

Вера Вьюга

ЭФФЕКТ МАТРЁШКИ



16+

Вера Вьюга
Эффект матрёшки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вьюга В.

Эффект матрёшки / В. Вьюга — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Если тебя бросил муж, это не повод для трагедии. Можно влюбиться снова и попасть из мещанского болота в бурный водоворот страстей и авантур... Такова завязка ироничной криптоистории, где немалая роль отведена легендарному и таинственному бриллианту Санси, который невероятным образом отыскивается в России, хотя все считают, что подлинное его местонахождение в галерее Аполлона в Лувре. Проклятый камень, унесший сотни жизней, продолжает убивать своих обладателей, но только тех, кто...

© Вьюга В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Глава первая

Уже минут двадцать безжалостная птица монотонно клевала её левый висок. Ада отбросила в сторону дежурный бестселлер и, чуть прихрамывая на затекшую ногу, поковыляла через коридор в ванную проведать вчерашний прыщ. Зеркало над ней смеялось, а ведь еще каких-нибудь лет десять назад, оно и запотеть в её присутствии не смело! Прыщ вылез некстати и, наливаясь не по дням, а по часам, сигнализировал о приближении критических дней в спокойной жизни. Ада и без прыща догадывалась – что-то разладилось в ее космосе. С каждым годом она нравилась себе все меньше и меньше. И если бы только себе! Она устала от предсказуемости бытия. В сорок лет жизнь только начинается для тех, кто попал под амнистию или вышел из комы. А если ты женщина и при внешнем достатке в сорок у тебя ничего своего, кроме прыща на подбородке...

Она пыталась радоваться мелочам, уговаривая себя, что счастье категория скорее философская, чем физиологическая, но холод семейной постели убеждал в обратном.

«Иногда лучше оставаться друзьями, – имея ввиду супруга, продолжила внутренний монолог Артемиды, прижимая к прыщу наспиртованную одеколоном ватку. – Хотя...» Мысли в её голове громоздились одна на другую, выстраивая шаткую цирковую пирамиду. И когда на верх взлетела самая легкая: «Мужчина всегда дружит с определенным интересом – либо он твой бывший любовник, либо потенциальный», – пирамида рассыпалась, испугав Аду крамольностью и новизной. Ада и во сне ни разу не посмела изменить мужу. А уж кто её там только не соблазнял!

Птица совсем обнаглела. Боль становилась невыносимой, но таблеток Ада не признавала. Лучшее лекарство – релакс по магазинам без денег! Светло, красиво, не суетно. Особенно по будням с полудня. Бродишь по лабиринту, от «гробницы к гробнице» (от бутика к бутику). Рассматриваешь неспешно себя в зеркалах. Замираешь восхищенно: «Ан, ещё и ничего себе!»

Магазинные зеркала добрее домашних. Очевидно, что-то подмешивают в тамошнее стекло, чтобы довольный покупатель, отражаясь наилучшими частями природы, бесконечно потреблял, потреблял, потреблял...

Сладкоголосые сирены от маркета, поднаторевшие в искусстве обольщения, легко могли надругаться над её здравым смыслом, но только не сожрать месячный продуктовый бюджет. Приобретать даже с умопомрачительной скидкой хиты позавчерашнего сезона (пару чешек из меха рептилий) ей просто не на что!

При первых сладких нотах «вам помочь» она залепляла уши радио «Одиссей», и злые демоны искушения и соблазна каменели до новой жертвы.

Зато и при скромном бюджете Артемиды умудрялась изрядно выглядеть, ничуть не смущаясь отсутствием бриллиантов в ушах и на пальчиках.

Она презирала драгоценности за безнравственность и бесполезность. За алчный свет вождедеющих глаз торговки и принцесс, отраженный их бесстыдными гранями. А драгоценности, напротив, с ней заигрывали. И когда она проходила мимо, иные вовсе потеряв всякий стыд, пошло навязывались. Наивные девушки в белых перчатках, не сомневаясь, наперебой предлагали ей примерить якутские брильянты и азиатские жемчуга. Она нехотя соглашалась, брала в руки, мечтательно ласкала взглядом и возвращала. Но возвращала так, что продавщицам становилось неловко за попытку втюхать залежалый товар.

Всякий раз, расслабленно прогуливаясь по бутикам торгово-развлекательных ангаров с неразменной трамвайной карточкой, Ада с умилением и тайной завистью подглядывала за самочками, приправившими свой необременительный шоппинг киш-мишем, типа, «папочка», «милый», «зая», «мальш». Через каждую минуточку справлявшихся у «бар-BOSSиков» нравится ли, идет ли, хорошо ли сидит, лежит, к лицу ли, к жопе ли, по ноге ли, по руке ли...

Сию безмозгло-декоративную популяцию дамочек она окрестила: «под доминантным самцом FOREVER», то есть – НАВСЕГДА!

Ритуальные шоппредставления – страсти почище шекспировских! То тон не в масть, то масть не в тон, а иногда и вовсе безразмерная истерика! Но доминантным самцам все по кайфу, все по карману. Они, самцы, всегда довольно урчали, утешали, гладили по задницам, доставали бумажники, кредитки и почти не торговались.

Птица переключилась на темечко и все яростнее долбила кору головного мозга. Ада собралась и вышла на улицу.

Утомленный вечерний проспект жарко дышал, моргая воспаленными глазами светофоров. Нырнув в трубу подземного перехода, Ада благополучно миновала поющего карлика, пожухлую даму с собачками, которым нечего есть, потому что дама много пьет и, бросив в ладошку замшелому старикашке «копеечку», оказалась на другой стороне перед входом в Дом культуры. По будням он именовался «ярмаркой промышленных товаров», а по выходным умело маскировался под ТЕАТР.

Ада вошла. Почетный караул из билетерш заставил вспомнить день недели: «Суббота!» – огорчилась она.

– Девушка, – окликнул ее пронзительный высокий голос. Худое лицо молодого человека выглядывало из облепившего голову флисового капюшона. Один его глаз внимательно изучал Артемиду, другой собственную переносицу. – В театр не желаете сходить? Весенние скидки!

Подозрительный субъект, точно веер раскинул перед ней билеты и, обмахиваясь ими, продолжил манерничать:

– Девушка, я отдам вам за двести, не пожалеете. Вчера был аншлаг, а сегодня вяло идут.

Ада взглянула на билет, уверенно протянутый ей косым типом. На билете отчетливо синело «1000 руб» – это настораживало.

– А что за спектакль? – недоверчиво поинтересовалась она.

– «Евгений Онегин» же, девушка, театр на Тачанке, – закатил живой глаз тип вроде удивленный ее серостью. – Хотите, я с вами до контроля дойду? – разгоняя сомнение, тянул он.

Где это видано, чтобы на билеты скидку делали! Нет, когда на кофточку – понятно. Или там если у консервов срок зашкаливает, но на пищу духовную...

– Мне позвонить нужно... – пожалев убогого, почти согласилась Артемида.

– Так я вам дам... – обрадованный тип расстегнул чехольчик на поясе.

Мобильника у Ады не было, хотя муж не раз предлагал купить. «Нафига мне поводок», – думала она и отказывалась.

– Так что? Берёте? – оба его зрачка встретились на переносице и Ада тут же согласилась.

Знакомое фойе было непривычно пусто, если не считать трех столиков, за которыми уже что-то допивали и доедали любители «НАШЕГО ВСЕГО». В животе у Ады давно и неприлично похрюкивало, теперь это могло помешать имиджу светской дамы пришедшей на премьеру.

Белоснежная девица за стойкой пересчитывала наличность. Бутерброды с красноватой рыбкой на вид не внушали подозрений, но Ада все же решила не рисковать.

Она взяла безобидный кекс, упакованный в пленку и чашку чая. Расположившись за столиком, развернула и откусила... Тонкий привкус плесени, бережно сохраненный целлофаном, нельзя было спутать ни с чем. Глотать, только чтобы поддержать имидж не хотелось. С полным ртом и нескрываемой завистью Артемида смотрела на сидящего напротив толстоухого мальчика – тот сосредоточенно пережевывал бутербродец с красноватой рыбкой.

Прикрыв рот салфеткой, Ада все же отважилась и выплюнула в тарелку то, что так и не стало ее ужином. Нетронутые слюной остатки бережно завернула в прозрачный саван и направилась к буфету, где уже образовалась тихая очередь из оголодавших театралов.

– Какой у нас сегодня месяц, девушка? – поинтересовалась Ада у белоснежной буфетчицы тоном автоинспектора узревшего просроченный полис ОСАГО.

– Август... – удивленно вскинула брови буфетчица.

Очередь оживилась.

– Так вот, это не «свежие кексы»! Это недоеденные пасхальные куличи!

Белоснежная девица попыталась что-то возразить, но Ада обернулась к насторожившемуся народу, взор ее горел, как у героини античной трагедии: «Плесень!» Смертный приговор обжалованию не подлежал. Она ловко выбрала несколько пятирублевых дисков из поблескивающей на прилавке мелочи и довольная собой гордо проследовала к столику допивать остывший чай.

«Любите ли вы театр... – вертелось в голове у Артемиды, пока она задом ощупывала сиденья. – Странно, куда они поролон из кресел повынимали... окна, что ли на зиму заделывают...»

Усевшись в пятнадцатом ряду, она стала разглядывать публику. Желающих занять места согласно купленным билетам было не много. Все норовили сесть поближе, и потому в первых рядах партера шло постоянное перемещение народов. Изгоняемые с мест законными владельцами граждане, кочевали с кресла на кресло, из ряда в ряд пока не прозвенел последний звонок, и огромная хрустальная люстра в центре зала не угасла. Аду никто не побеспокоил, и даже место слева оставалось свободным.

Совсем скоро на сцене сделалось светло и шумно. Поглощенная действием, она не сразу обратила внимание на того, кто сел рядом. Но она его почувствовала!

Ада различала мужчин по запаху. Достаточно было нескольких вдохов и все становилось ясно. Вот и сейчас её ноздри напряженно вбирали мятную прохладу разбавленную ароматами лаванды и кедра. Цитрусовые всплески, исходившие от только что подсевшего мужчины – бодрили, кофейный «дым» щекотал воображение. «Он пахнет успехом... – подумала Артемиды и скосила глаза в сторону. – Блондин... натуральный. Редкий экземпляр. Хорош, размечталась!» – тут же отдернула она себя.

А тем временем:

«Чем меньше женщину мы любим,

Тем легче нравимся мы ей

И тем ее вернее губим

Средь обольстительных сетей»

Утверждал со сцены А.С. (по этому делу) Пушкин и был, как всегда прав.

Сумочка сползла с колен и шлепнулась на пол у ног ароматного блондина. Ада даже не шелохнулась, не сделала попытки поднять её, тем самым давая возможность мужчине проявить себя. Либо он джентльмен со всеми вытекающими последствиями, либо вечер пропал зря.

Ах, мужчины, сколько радостных минут вы можете подарить женщинам-«охотницам»! О чем вы подумали? О сексе? Нет. Главное – азарт. Когда намечена добыча остается лишь выбрать средство, с помощью которого она будет поймана. И чем матёрее зверь, тем сильнее желание подманить к капкану, набросить сетку. Поймать! И совсем не обязательно быть глянцевою красоткой, не умещающей силиконовое «счастье» за пазухой. Можно просто улыбнуться ему навстречу, случайно коснуться руки, обескуражить мимолетным: «как вам идет этот небесно-голубой» – когда он весь в черном.

В общем, проявить к нему хоть чуточку внимания. Да мало ли средств в арсенале опытной амазонки!

Ада не была амазонкой, теоретически она представляла себя на месте таких женщин, но чтобы вот так на практике – никогда! Лучше уж пусть будет все по старинке: петух догоняет, курица убегает, но медленно...

Реакция выдавала в нем матерого зверя. Мужчина поднял сумочку и положил на место. Аде даже показалось, что он слегка погладил ее колено. «Показалось», – исподтишка взглянув на блондина, подумала она. Мужчина не проявлял к ней больше интереса, а когда сдавленно кашлянул в темноту, неожиданно окрасив воздух густым перегаром, ее чуть не стошнило. Как же она ошиблась! Принять силосную кучу за альпийскую горку! Но ведь пахло!

Разочарованная, она начала крутить головой, все же надеясь отыскать благоуханный источник, тем более, что бардак и галдеж, творившейся на сцене, занимали ее меньше, чем душистая публика его оплатившая.

За спиной слева, вытянув шеи, двое, похожие на голодных птенцов, широко открывали рты, пережевывая белые плотные сгустки бабл-гума. За спиной справа – мужчина сдирал шкурку с сочного мандарина и засовывал в рот спутнице крохотные дольки. Отвалив нижнюю челюсть и, близоруко шурясь на сцену, та замороженная сюжетом, не жуя, проглатывала цитрусовый корм. Пьеса её увлекала. Дама не закрывала восторженного рта и случись в руках спутника любая пакость, дама заглотала бы её с наслаждением. «Вот она волшебная сила искусства!» – восхитилась новоиспеченная театралка, не переставая изучать чутким носом близлежащую атмосферу.

Сосед справа – бледный педерастического вида юноша в лягушачьих круглых очках и вязаной, белизны мартовского снега ермолке, шуршал «кофейным дымом». Черные аккуратные квадратики источали назойливый аромат идентичный натуральному.

«А кедр? А лаванда?» – не успокаивалась Артемида.

Но тут сосед-блондин, намереваясь сменить позу на более интимную, заерзал и, подперев подбородок убедительным кулаком, почти прильнул к Артемиде. От перегарной близости в носу у Ады произошло секундное замешательство. Ей захотелось чихнуть. Она прикрыла нос палантином... и отыскала потерянную ноту! Вот же она! Лаванда! О, этот запах мог вскружить голову любой моли, не то, что Артемиде! Все так банально. Раздосадованная, она демонстративно отстранилась в сторону гей-юноши, пахнущего пусть и ненатурально, но безопасно для её здоровья и, отгоняя навязчивые ароматы, бурно замахала перед носом ладонью.

Спектакль гремел всюю! На сцене в ярком свете пел и ходил колесом Пушкин. Но «кедр» не давал нюхачке покоя. Решив, что «деревом» шибает от блондина, она успокоилась, а успокоившись, сосредоточилась на сцене. К ее радости спектакль через час с небольшим благополучно завершился речитативом в стиле рэп. Бисируя, актеры-рэперы на едином дыхании с фанатским залом проехали от: «Москва! Как много в этом звуке» до «Люблю тебя, Петра творение». Довольными остались и артисты и зрители. Он действительно «НАШЕ» и «ВСЁ» – нет базара! Разбуди русского среди ночи, назови пароль «ПУШКИН», – отзыв заучен со школы и на всю жизнь: «мой дядя самых честных правил» – для мальчиков и «я к вам пишу – чего же боле» – для девочек.

На улице заметно похолодало. Ада стояла, раздумывая идти в метро или на автобус.

– Вас подвезти?

Интимный баритон принадлежал блондину, сперва показавшемуся ей таким привлекательным, а позже отвратительно ароматным. Внезапным айсбергом тот отошел от темной стены и преградил дорогу Артемиде, собравшейся пока нет машин, перемахнуть проезжую часть напрямую, минуя переход. Ей ничего не оставалось, как с разбегу ткнуться в его округлый живот и отпрянуть.

Огромный блондин не сводил с Артемиды задорного взгляда, а еще... Знаете ли вы, что украшает мужчину? Мужчину украшает нос. И нос у него был!

– Пойдемте скорей в машину, вы совсем замерзли, – мужчина протянул ей руку. – Да не бойтесь, я вполне адекватен!

«Адекватен он», – подумала Артемида и зачем-то согласилась, но когда машина тронулась, ей стало нехорошо.

Она почти не слушала Натана (так ей представился блондин), прикидывая, куда шарахнет его, если тот начнет приставать. «И зачем я только села, – корила себя Артемида, глядя на волосатые ручищи. – Ладно, если изнасилует, а вдруг некрофил. И почему я не поехала в метро!»

– Да, расслабьтесь... – улыбнулся Натан. – Я вас не съем...

– Вы уже кем-то закусил, – стараясь выглядеть непринужденно, отшутилась она и, отвернувшись, стала озирать пронесившиеся за окном пейзажи. Ее нежелание поддерживать беседу была так очевидно, что на помощь своему обаянию Натан был вынужден призвать музыку. Он включил приемник, но вместо песен в неловкую паузу ворвались позитивные голоса, наперебой смущая добропорядочную жену порнушными стопами. С каменным лицом Артемида ждала, когда начнут агитировать за безопасный секс, уверяя, что только с кондомами их фирмы наслаждение будет, но вместо этого им отчего-то предложили велосипеды с автоматической коробкой передач, а дальше легкий джаз, под который они и проехали большую часть пути.

– Ваша улица, – блондин повернул к Аде носатое лицо, и его зрачки по-кошачьи сверкнули в полумраке. – Вот видите я не людоед, а совсем наоборот.

– Вегетарианец что ли? – она почти успокоилась.

– Хотите проверить? – волосатая ручища протягивала ей глянцевую карточку. – Я знаю один маленький ресторанчик, где подают замечательные морковные котлетки.

Ада раскрыла сумочку. Вместо кармашка визитка упала на дно... Рука дернулась, оттого что блондин настойчиво, но нежно сжал ее в своей, притянул к губам, коснулся языком кончика безымянного пальца... скользнул вниз по боковой его стороне... ненадолго задержался в ложбинке... и также медленно пополз вверх по среднему... Затаив дыхание, Ада растерянно смотрела на голубоглазого Натана, соблазнявшего ее так изощренно и сладостно. Еще немного... Она отдернула руку, открыла дверцу, – под ногами плыла маслянистая лужа, но отступить было некуда.

Глава вторая

Сбросив одеяло на пол, муж лежал на спине и скрежетал зубами. Звук был не из приятных, но Ада давно смирилась, убедив себя, что это не глисты, а нервы.

«Только бы не проснулся», – думала она, осторожно ложась рядом и тут же проваливаясь в сон.

... Натан достиг пика указательного пальца и продолжал свое восхождение по ладони, внутренней стороне руки, пока не коснулся подмышки. Приятная щекотка заставила улыбнуться. Ада лежала голой под ярким светом на металлическом столе, покрытом белой простыней.

Язык поднимался все выше и выше, она ощущала его влажные прикосновения на шее, за ухом. Вот он пополз вниз, минуя бугорки сосков, к аккуратному пупку и еще ниже...

– Ну, что нагулялась, курица? – выводя из сонной грезы, пнул ее в бок муж и захрапел дальше.

«На кого я похожа, на кого я стала похожа... – с утра печалилась Артемида, разглядывая себя в зеркальном шкафу. – И почему люди должны непременно толстеть, изнашиваться, разваливаться... И кто придумал мерзкое слово «целлюлит»... Какой такой целлюлит?! Уютная полнота... милые ямочки на нижних щечках... Кустодиевская муза, поди, не ведала, про страх сей... мда... а до рубенсовской мне еще жрать и жрать... – стоя вполоборота, Артемида критически оценивала свой ягодичный профиль. – Главное, душа моя, ты еще молода, а с телом мы как-нибудь договоримся!»

Оглаживая и осматривая выдающиеся части бледного тела, она вплотную подошла к зеркалу, коснулась его грудью и вскрикнула! Обдавшее Артемиду ледяным презрением, зеркало явно не завидовало ее раздобревшей красоте. Тут же втянув живот под ребра, Ада напрягла

нижние «щечки» и, строго взглянув на отражение, приказала: «Все! С понедельника – на диету! Худеть!»

Однако, сегодняшний вторник внушал оптимизм. Ей тотчас захотелось собрать все силы и подготовиться к акту самоистязания основательно. Потому набросив халат, она двинулась к еде, сосредоточенно вспоминая популярные методики истощения. Худеть от мочегонного и слабительного негламурно, как его не назови. Этот способ она отвергла сразу.

Стоя в кухне возле окна и попивая кофе маленькими глотками, она лениво наблюдала за идущей по двору парой, попутно размышляя, о том, что прекрасней всего худеть от любви... или от ревности. Ревность, говорят, прожорливей солитера будет. Так изгрызет!

Мужчина с портфелем держал под руку даму, они шли не торопясь, казалось, благообразная супружеская чета, совершает утренний моцион. Семейную идиллию нарушил мусорный контейнер. Поравнявшись с ним, мужчина вытащил из портфеля палку и начал ловко шуровать ею в контейнерном брюхе. Дама равнодушно наблюдала за происходящим ровно до тех пор, пока из чрева помойки не была извлечена какая-то лохматая дрянь, похожая на дохлую кошку. Встрепенувшаяся дама, тут же сдернув «нечто» с палки, рванула, как хорошей спринтер, но каблук под ней подломился. Попутчик настиг ее, подсечкой уложил на землю и, сев сверху, стал пихать «дрянь» ей в лицо.

«Так это ж моя шапка, из хонурика!» – оживившись, предположила Артемида и, пожелав тотчас увидеть подробности, метнулась в комнату.

Трофейный полевой бинокль свекра, в который она изредка разглядывала чужие вечера в окнах напротив, хранился в кабинете мужа. Только вернувшись, Ада не обнаружила объекта – пара бесследно исчезла, и развлечь ее стало некому. Она пошарила по пустынному пейзажу: садик, помойка, машины рядами – ничего интересного. Приложила к глазам бинокль: окна, окна, окна, ворон терзает рыблю голову в рыжей грязи, цифры автомобильного номера, буквы в серебристом круге с крыльями... На влажном песке автомобильный след, выгоревшая трава... тоска и уныние. Оставалось бесстрашно намазать маслом половину французского батона, наесться и забыться.

Заложив пахучую буженинку между поджаристых и хрустящих горбушек, Ада раскрыла переполненный слюною рот, но скромный её рот не вместил бутерброда. Как не старалась Артемида просунуть его целиком – не получалось. Отдельно пощипав румяные бока и мясо, она кое-как наелась, оставшись неудовлетворенной и даже слегка раздосадованной процессом. Скучая, прилегла на кухонный диванчик, и принялась перебирать кнопки на величайшем изобретении двадцатого века – пульте манипуляционного управления сознанием.

Канал, случайно привлёкший ее внимание, обещал избавить от головной боли симметричным прикладыванием к вискам мобильных телефонов в режиме «вибрация». Инновационным народным рецептом делилась потомственная знахарка из деревни Пеньки, поведавшая, что тот достался ей от бабушки-пасечника, и она лишь приспособила его к новым реалиям. «Ну не прикладывать же, в самом деле, к голове улы», – поддержала смекалистую ведунью Артемида. Она как-то сразу доверилась потомственной заклинательнице мобильных телефонов, твердо решив купить хотя бы один. А пока по совету следующего целителя, выключила телевизор, прикрыла глаза и несколько раз судорожно вздохнув, приготовилась размять под сознание посылами, вроде: «Детка, ты самая лучшая и у тебя все о'кей», но получилось: «В машину, к незнакомцу! Какова дура!» И вместо того, чтобы выругать себя за вчерашнюю беспечность, она вскочила и уже через минуту в руке нагло поблескивала дорогая бумага визитки:

Натан Смирнов. Операции с недвижимостью. Телефон–мэйл.

«Что ж, двинем недвижимость, пока она еще имеет приличный фасад!» – щелкнув коготком по фамилии, промурлыкала Артемида, набралась храбрости и позвонила.

После недолгих гудков на другом конце провода бесцеремонным басом ей заявили: «Лягу телефона!»

– Зачем? – искренне удивилась Артемида, поглядывая в глянцевую карточку – не напутала ли.

– Вам, девушка, кого?

– Мне Натана.

– Смирнов слушает.

– Это Ада. Из театра. Помните?

– Адочка! – обрадовались в трубке.

– А мне тут уже лечь предложили, – хихикнула она кокетливо.

– Так он всем предлагает! Это у них наследственное. Сколько раз ему говорил: именем представляйся! – развеселился в ответ риэлтор Смирнов.

– А как его зовут? – зачем-то поинтересовалась Артемида.

– Ах, Адочка, если я скажу, как его зовут, то с вами точно случится обморок и вы прямо таки и «лягите» у телефона! – каким-то дребезжащим смехом отреагировал на ее вопрос веселый риэлтор. – Так что? Встретаться будем?

Ада согласилась.

Мужчина женщине нужен не столько для секса, сколько для флирта, чтобы ощущать себя полноценной женщиной и не важно, двадцать тебе или шестьдесят. «Мужчина домашний» тире «муж», как музейный экспонат, изученный хранителем, интересен разве, что случайному посетителю. И только у него он может вызвать восторг. Да, он бесценен и уникален, как все сотворенное с душой, но пыль привычки, копившаяся годами, скрыла его сияние от близких глаз, и нет времени, а может желания смахнуть ее и приглядеться. Чужой мужчина – тайна! Что там – блеск или мутная вода? Любовь в сорок, в пятьдесят, страшно подумать – в шестьдесят! И если не хотим стареть, мы обречены исполнять ремейки на вечную тему.

Ада безобразно опаздывала. Оставалось каких-то двадцать минут до назначенного времени, а она еще неглиже.

«Что бы надеть... вдруг придется раздеваться», – соображала Артемида, выкидывая из шкафа навьюченные нарядами вешалки. Она никак не могла определить, что ей сегодня к лицу.

Аристократическую бледность спальни «а-ля людовик надцатый» оживляла куча набросанных на кровать разноцветных тряпок, благоухавшая, словно жасминовый куст. Ада вертелась перед зеркалом, прикладывая к груди то блузку, то платье, морщилась, откидывала в сторону очередной наряд и шла к шкафу за следующим. Нога ее попала в бретельку бюстгалтера, но, не замечая, Артемида таскала его за собой по всей комнате, пока не споткнулась. «Спокойно! Не суетись! Главное реши чего ты хочешь от встречи, и соответственно выбирай форму одежды!» Надевать в разведку юбку – верх легкомыслия. Ада надела брюки.

Десять минут ожидания для мужчины ценящего свое время слишком большая плата, и не известно окупятся ли они упоительными секундами.

Черные жемчужины ее глаз смотрели вызывающе. Оставляя вмятины на разомлевшем асфальте, самка человека приближалась к жертве на лаковых гвоздях туфель. Высоченные каблуки поднимали ее над плывущей толпой, придавая уверенности. Где-то там далеко внизу остался народец, снующий по делу и без.

«Среди миров в мерцании светил. Одной звезды я повторяю имя...» – картинно, продекламировал Натан, припадая к ручке «хищной звезды», протянутой ему для рукопожатия.

«Кобель, – подумала Артемида, – но симпатичный...»

Они сели в машину.

Уж так повелось на Руси, что женщину, перед тем как «хотеть» принято кормить. Без разницы понедельник это или суббота, – женщины предпочитают ресторан, мужчины же больше склонны к интимно-домашним праздникам при свечах и с борщом. Ада была женщиной вполне необычной. Двадцать лет супружества с одним половым партнёром, культивирующим

в ней комплекс неполноценности, сделали её верной женой. И вот, наконец-то, ей выпал шанс узнать действительно ли она так безобразна...

– Куда двинемся, – закуривая, спросил Натан.

– Может к тебе, – слету предложила Ада. От нетерпения и страха она гнала волну за двоих.

«Ты» из уст едва знакомой дамы звучало для него, как «да». Натан удивился, но явно обрадовался такому повороту, завел мотор и, лихо закрутив руль, развернулся с визгом. Минут через пять они припарковались в переулке возле особняка затянутого по фасаду зеленой сеткой, сквозь которую проглядывала классическая строгость и аристократическая сдержанность позапрошлого века, допускавшая чугунный ажур лишь в кованных консолях, удерживающих массивный козырек над дверью когда-то парадного подъезда.

Ада выпорхнула из машины. Отвлеченный звонком Натан, остался. Дожидаясь его, она неторопливо прошла вдоль дома до следующего, сиамским близнецом прилипшего к тому, что рядился в маскировочную сеть.

Весь переулок состоял из низеньких в два-четыре этажа старинных особнячков, совершенно загаженных, облупленных и униженных вселенским хамом вроде того, что прогуливался сейчас по переулку со своими меньшими братьями без совка и пакета. Завяленных собачьих «лепех» и «колбасок» на пути ей попало немало, а под арку, перекрытую кружевной решеткой, она и вовсе зря заглянула. Смердящий дух от переполненных отходами баков погнал ее прочь, не дав насладиться изяществомковки.

Артемиды с прискорбием заметила, что исторический центр – место совершенно непригодное не только для выгула собак, но и для проживания хозяев. С виду вроде благополучно оштукатурено, но стоит сделать лишь несколько шагов от нарядной улицы и через прямую кишку подворотни, забитую холмами отбросов, ты неминуемо попадешь в каменное брюхо двора, с торчащим чахлым аппендиксом ствола посерединке. Может береза, а может тополь, изъеденный всеми древесными хворьями. Здесь застывшая в оконном проеме старуха, целый день глядит из-за тусклого стекла в шербающую стену напротив, терпеливо ожидая смерти. Но вместо неё приходит почтальон, вручает пенсию. А значит нужно жить.

В парадном вестибюле, когда-то по-буржуйски роскошном, хоть и побитом временем и превратившимся нынче в засанный подъезд, все было основательным и безупречным: от камня лестницы и подоконников, до дуба перил и дверей. В мраморных ступенях по-прежнему сидели медные кольца, сработанные на века, но ставшие ненужными уже через каких-то полтора столетия. Сперли братцы-голодранцы с мраморных ступеней ковры! Растащили шторы на революционные подштанники! Подпоясались чужим муаровым шелком, набросали в парадный камин самокруток, да жженой соломой, и пошли по углам гадить!

Так, разжалованный из парадного в проходной, и стоял он будто удивленный, с разъяренной каминной пастью полной окурков и жестянок от нынешних швырял-проходимцев.

– У вас прилично... – заметила Ада, минуя камин и взбираясь по изношенным ступеням, все еще хранящим на зашарканных уступах вензельные метки прежних хозяев.

Марш лестницы освещало огромное окно. На мраморном подоконнике сидел мордатый одноглазый кот. Заметив парочку, кот спрыгнул на пол, задрал облезлый ершик хвоста, шерстяная тельняшка на спине его встала дыбом, он изогнулся дугой, сказал «шшш» и пометил стену. Поднимаясь, Ада несколько раз оглянулась – кот смотрел вслед, не мигая. Единственный глаз его горел зеленым огнем. Хвост метался из стороны в сторону, казалось, кот ее ненавидит, как революционный матрос анархистов.

Старинная дубовая дверь внушала уважение. Натан вдавил кнопку. Сухой колючий звук похожий на металлический треск старого велосипедного звонка рассыпался по ту сторону и где-то в глубине Аде послышался протяжный и жалобный скрип. Когда дверь открылась, на пороге возникла маленькая старушонка в пурпурном шелковом кимоно, чрезвычайно прямая,

с гордо вскинутой головой, наподобие одуванчика покрытой седым пухом. Она рассматривала Аду через лорнетку, словно, пытаясь найти изъян и тут же забраковать. Аде сделалось не по себе от пристального взгляда старухи.

– Артемида! – громко и четко обозначил Натан свою спутницу. – Познакомься, – обратился он к Аде, мнущейся на пороге. – Это моя бабушка Розалия Эммануиловна.

– Очень приятное имя, – почему-то соврала Ада. – Вернее неприятное, то есть красивое...

Она совсем запуталась и растерялась, а старушонка продолжала разглядывать ее в свою бутафорскую штуковину. Затем, ничего не говоря, развернулась и, волоча за собой шлейф из валерьянки, поплыла по коридору, мелко перебирая негнушимися карандашными ножками.

«Ведьма», – решила Ада.

– Забавная бабуся у тебя. Может мы не вовремя? – добавила она вслух, улыбаясь, пропустившему ее вперед Натану.

– Все в порядке, просто бабуля принимает успокоительное, и сама понимаешь, тормозит чуть.

Демонстративно не замечая пыльного войлока музейных тапок, рядом выставленных в прихожей для гостей, Ада процокала по наборному паркету позапрошлого века вслед за переобутым внуком неприветливой бабули.

В просторной «зале», не уступающей площадью однушке в каком-нибудь заспанном районе, стояла мебель из дворца. На стенах в золоченых багетах висели картины неопишуемой красоты, достойные стен музейных сокровищниц. Конечно, Артемида не была экспертом, но рамы впечатляли.

Присев на край антикварного дивана, Ада чувствовала себя неуютно, нервничала. В таком состоянии с ней нередко случались приступы парафазии. Диалога снова не получалось. Опасаясь произнести нечто дикое, она телячьими глазами смотрела на Натана и улыбалась, как провинциальная дурочка.

Натан не выдержал. Вышел. Вернулся он, держа в руках запотевшие пакетики.

– Хочешь мороженого?

Ада кивнула.

– Ты какое будешь? Эскимо или сахарную трубочку?

– Трахарную срубочку! – прорвало Артемиду.

Хрустальные подвески бра мелодично позвякивали то ли от пушечного хохота Натана, то ли от того, что он задел их головой плюхаясь на диван рядом с перепуганной гостьей. Ада тоже рассмеялась, и ей стало легче.

– ... по мироощущению я поэт, а поэзия сфера тонкая... – увлеченно досасывая эскимо, бесстрастным голосом разъяснял ситуацию хозяин. – Натура у меня чувствительная, потому в энергетическом пространстве способна отыскать эгрегор вдохновения... и установить контакт.

«Кто ж тебе, поэзный, мешает, устанавливай. Затем и пришла», – промелькнуло в голове Артемиды.

Свою трубочку она давно слизала и, освоившись, уже игриво поглядывала на сидящего рядом мужчину. Но Натан, в ответ на ее «амуры» внезапно сделался серьезным, будто на приеме у венеролога. И вопреки ожиданиям вместо приставаний закатил представление.

На фоне гаснущего в оконном проеме дня, глубоко засунув в карманы брюк руки, минуту он стоял, молча, будто собираясь с мыслями. С лица его исчезла радость. Меланхолическим туманом заволокло взгляд и он начал с того, что закрывает глаза (и закрыл таки), пытаясь проникнуть туда, где его не ждут. Многообещающий запев радовал Артемиду недолго. Дальше невероятно быстро ее знакомец съехал с темы и понес что-то про благодать, что снисходит на него, обнимая за плечи нежными ветрами печали и сна...

Это были стихи.

Изображая благодарную слушательницу, Ада сидела смиренно, хотя внезапно затянувшаяся самодеятельность ее порядком раздражала. В паху саднило. Новые итальянские трусы, приобретённые для торжественного случая, безжалостно впивались в интимные места. Но она терпела. Получается зря! Она ожидала чего угодно, только не верлибра! «Похоже, моя задница его совсем не волнует. Хороша, идиотка, адюльтеру захотела. Нет, права был философ Кант – нормальный мужик, один в театр не пойдёт, только извращенец».

Она дёрнула плечом, будто сбрасывая с него воображаемую руку философа, по-дружески советовавшего ей валить отсюда пока не поздно!

– Адочка, тебя не волнует поэзия? – очнулся Натан.

– Последний раз меня волновал хирург больницы, куда я попала с растяжением. Поглаживая мою ляжку, он предложил сделать «лангет», – тон её становился хамским. С тем хирургом тоже ничего не вышло. Правда, слово «лангет» она запомнила навсегда.

– Лангет? Ты уверена? Ладно, не сердись. Видишь ли... – присаживаясь рядом, перешел к делу Натан, – ... у меня бизнес стоит...

«Хорошо хоть что-то стоит», – желчно ухмыльнулась Артемида.

– Адочка, слышала ли ты про эскорт для состоятельных господ?

«Господин» в его устах отдавал де Садом.

«Все-таки Кант был прав – извращенец! Сейчас прикуёт наручниками к батарее. Вон они у него какие чугунные, слона выдержат! И стены толстые в четыре кирпича. Ори не ори – не услышат. Ведьма глухая, спит, небось, после дозы».

От страха у Ады закололо подмышками.

– Так я тот «господин» и есть, – продолжил Натан. – Клонированные красотки мне не интересны, я в женщине индивидуальность ценю и породу...

«Породу!»

Картины одна живописней другой рисовало её измученное Фрейдом воображение: «Я лошадь. Наденет сбрую, будет кормить овсом, стегать нагайкой, а потом... страшно подумать! Будет ездить верхом! А мне прикажет ржать?!»

Какое там «ржать»! Аде было не до смеха.

– А может у них аренда высокая? – съехидничала она, подозревая, что секса не будет ни в каком виде!

– Дело не в деньгах. Главное взаимопонимание. Ведь так? Мы же понравились друг другу. А это значит, что общение наше будет обоюдоприятным. Сам-то я равнодушен к сексу, – Натан произнес это так, словно речь шла о футболе. – Но у меня много солидных друзей, – заметив разочарование на лице гостьи, тут же поспешил добавить он. – Появиться в обществе с красивой неглупой женщиной всегда праздник. Или я не прав?

Прав! Тысячу раз прав Конфуций: «У женщины мозгов как у курицы. У умной женщины – как у двух».

Глава третья

На юбилей маститого литератора Ада пошла из любопытства, книг его не читала, но фамилия была на слуху. Деду исполнялось семьдесят. Натан обещал, что будет кой-какой литературный бомонд и даже телевидение. Пару физиономий она действительно узнала. Правда, к ее разочарованию всего одна дама оказалась в откровенно вечернем платье. Бесперывно обмахивая газетой посвященной юбиляру plombирные телеса, некстати упакованные в шелка перванш, она смущенно-растерянно озиралась на остальную публику, невыразительной массой растекшуюся по залу ожидания банкета. Вид у дамы был такой, словно ее застучали одетой в парилке.

«Да-с... подведение итогов... и неутешительных», – констатировала Артемида, в тусклой тусовке пытаясь разглядеть Натана, притаившего её сюда и бросившего, но пообещавшего, что будет интересно.

Между тем приглашенных становилось все больше. Голоса вокруг крепчали. А совсем рядом и вовсе закипал спор. Ада поневоле прислушалась. Дискурс на «вечные темы» вызывал у нее рефлекторную изжогу. Ей было абсолютно по барабану, является ли убежденность в чем-либо предпосылкой к тому, что индивид станет диктатором, убийцей, в лучшем случае домашним тираном. О том кто милей – демократы или большевики, она и вовсе не задумывалась, как впрочем, и о слезинках замученных детей. И в том, что незачем сочинять и существовать, пока не решён главный вопрос, и не найдено «вещество существования», ей тоже не было охоты разбираться. Однако, разгоряченные литераторы захлебывались, наперебой демонстрируя условные рефлексы не хуже павловской псины. «На самом деле им и мяса не надо, слюнями сыты, – не переставая сканировать зал на предмет интересных мужичков, резюмировала Артемида. – Порассуждать о морали это мы можем. Русский интеллигент тем и отличается от рядового обывателя, что по каждой теме свое мнение имеет, будь то клонирование, зомбирование или зондирование. А государственность и право – любимая еще со времён Марфы Борецкой. Где же Натан?»

В поисках исчезнувшего спутника она пересекла холл и, немного поплутав, оказалась в зале поменьше, где возле стола, украшенного изысканной гастрономией и бутылками с зажигательной смесью местного разлива, уже суежилась пара нетрезвых русписов. Её появление их ничуть не смутило.

«Голодаем, мадам...» – непринужденно оправдался тот, что поэлегантней, пряча во внутренний карман блейзера пол литра непочатой «Адмиральской». Вселенская скука колыхались в его прозрачных, как водка глазах, устремленных на случайную свидетельницу кражи задушевного напитка.

«Талант! Не пропить его, не сменять на фантики», – ехидно заметила Артемида, все крепче утверждаясь во мнении, что чем писатель талантливей, тем он свободней от предрассудков. «И все же... не могу понять, как можно надеть клубный пиджак с засаленными джинсовыми порточками и тряпичными мокасинами на зернистой платформе! Все-таки разумно, что в эфир их по пояс запускают... и без водки. Хотя без нее им, небось, тяжело до дна души доныривать. А уж как с водкой нырять начнут – вызывай санитаров!»

Не замечая насмешливых ее глаз, «таланты» продолжали клевать со стола аки непуганые птицы: маслинки, сырок, рыбку. Они закусывали.

«Может и не писатели... – поморщилась Артемида. – Приличные люди сначала пьют, а после заедают, если есть чем. А эти наоборот».

Выяснить не удалось. Шум аплодисментов слишком явственно позвал ее к гостям, где возле кадки с пальмой она, наконец, отыскала Натана.

– Ты бы мне рассказал кто здесь who? – раздвигая пыльные листья искусственного дерева, поинтересовалась Артемида. – Это кто спит?

В полукресле, неплотно сомкнув веки, отдыхал мужчина заурядной наружности.

– Это хокку-мастер Трёшкин, – Натан понизил голос до шепота. – Талантлив, но невосребован, оттого горюет и пьет. А вот и оппонент его пожаловал. Ладно, ты приобщайся к прекрасному, а я сейчас вернусь.

– Как? Опять?! – зашлась возмущенным шепотом Артемида. – Ты меня бросаешь?

– Я быстро! А ты пока... дай вон, интервью что ли, – заметив человека с микрофоном, махнул в его сторону Натан.

– Какое интервью! Я ж в литературе, как таджик в филармонии... – не оценив шутки, запаниковала Артемида, в след убегающему Натану.

Тем временем оппонент шагнул на середину паркета, достал из нагрудного кармана сервировочную салфетку с бахромой, не спеша развернул и смачно, с обеих ноздрей сморкнулся, издав устрашающий звук похожий на рёв одинокого слона. Затем, не обращая внимания на

окружающих, бережно свернул стилизованный платочек и изящным движением двух пальцев отправил его обратно в карман.

– Я начинаю цикл под общим названием powhоезия, заявил он и, сделав отрешённое лицо, неожиданно загнусавил:

на ле-бя-жа-ю ка-нав-ку
вы-пал бе-лень-кий пу-шок
о-ты-мел бом-жи-ху клав-ку
про-меж ста-туй ко-ре-шок
и у-же у-брать со-брал-ся
с глаз не-хи-трый ре-кви-зит
на...

– Кто пустил сюда эту маргинальную харю!!! – взвизгнул из-за пальмы, внезапно проснувшийся хоккуист Трёшкин. – А в амфибрахий?!!

Всё случилось с одного дубля. Выступающий powhoет развернулся и со словами: «Япон-пис! Банзай твою медь!» двинул Трёшкина в ухо.

Увлекая за собой целлулоидное дерево, Трёшкин, молча, сполз с кресла...

Пока переполошенные дамы кудахтали над желчным хоккуистом, уводимый под руки powhoет, так и не успевший концептуально отыметь доверчивую публику, сорвал в знак солидарности несколько сиротливых хлопков и почти полную бутылку армянского коньяку, которую сунул ему в карман поклонник и которой он обрадовался не меньше, чем бюджетник «джек-поту».

Поверженного Трёшкина отволокли на софу. И чтоб не усугублять, всех тут же пригласили к банкету. Голодная публика, не мешкая, потянулась в сторону Столичного салата.

Если не считать пострадавшего хоккуиста и мужчину, оказывающего ему первую помощь, Ада, единственная из приглашенных игнорировала еду. Полускрытая пальмой она тихо осталась дожидаться Натана там, где он ее забыл.

Огромный угрюмый мужик (даже в ночном кошмаре она не смогла бы вообразить, на которой из литературных нив пахал этот мамонт!) стоял перед софой на коленях, прижимая к лиловому, расцветшему экзотическим цветком уху несчастного хоккуиста, мокрый носовой платок.

– Кто? Кто привёл эту гадскую сволочь? Я тебя спрашиваю, кто? – дёргая за пиджак мрачного мамонта, не унимался Трёшкин.

– Успокойся, Моня. Никто его не приводил... Он сам. Ты же знаешь Бермудского... Он всегда сам... без приглашения.

– Св-оооо-лочь... – простонал хоккуист. – Почему вы не дали мне его уууу-рыть!

– Ещё не время, – с пробивающейся нежностью, увещевал другана мрачный мамонт.

– Я его задушу его же портянками, – теряя голос от злобы, шипел Трёшкин. – Эта обезьяна вообразила себя поэтом, а в слове педераст три ошибки делает!

– Это концептуально, Моня...

– А сплетни про мою жену распускать, тоже концептуально?!

– Ну... – пожал плечами мамонт.

– Сказать, что у Галы фигли-мигли с Акуловым, это концептуально?! – Трёшкинские глаза красными виноградинами выкатились из орбит, он дышал, как марафонец после забега.

– Какие фигли-мигли, Моня... Никто и не поверил. Ей лет, то сколько... – попытался успокоить Трёшкина мрачный.

– Лееет!? Не-на-ви-жуууу... – завыл Трёшкин.

– Кого?

– Ро-ди-нуууу...

– А Родину, то за что? – недоумевал мамонт.

– За всё! – и Трёшкин повернулся спиной к собеседнику.

– Ничего, ничего, Моня. Я тебя в садик твой каменный отвезу, успокоишься, хайков насочиняешь, отдохнёшь. А Галы я скажу, что со стремянки упал, ухом стенку задел... лечишься.

Поглаживая хрупкое тельце хоккуиста, мрачный задумался. Морские волны на лбу обозначились резче, и он глубокомысленно изрек: «Родина не там, где больше платят, а там, где меньше содят».

Еле сдерживаясь, чтобы не испортить трагедию смехом, Ада бесшумно выскользнула из укрытия на лестницу. Только удрать не удалось. Натан настиг ее у самого выхода и сгреб в объятия.

– Я тебя везде ищу. Пойдём со мной, познакомлю с настоящим классиком.

– Не хочу... я уже насмотрелась...

Но Натан, не слушая и не разжимая объятий, уже волок ее в какую-то неведомую сторону: мимо нелепой парочки, софы, мимо банкета...

«Кто с Трешкиным?» – только и успела вымолвить Артемида. От ответа она чуть не свернула шею, не в силах оторваться от мамонтообразного банкира-наперсточника и исполнителя собственных блатных песен по кличке «гоп со смыком», так трепетно опекавшего капризного хоккуиста.

В литературной гостиной стоял запах несвежих носков и нонконформизма.

Натан протиснулся к центру, оставив Аду рядом с субливной девицей и юношей, нервно теребившим прозрачную бородку:

– ... еще Апельсинов когда-то казался чем-то свежим, а всякие там тускневичи-немогутины и прочие мастера исповедальной прозы... Меня лично, от них просто тошнит! Я прихожу в ужас от нынешней угрюмой реальности, но больше от ее певцов... Тот же Морокин с Вампировым. Кошунствуют и глумятся. И это нынешние классики! Который год концом литературы пугают. И этим же концом (от неприличного глагола Ада, чуть не зарделась) ... мозг читателю. А ... (здесь ее вновь ошаршили, той же глагольной формой, но в прошедшем времени) довольно посмеиваются над всеми. Типа, мир – говно, я – Че Гевара! А классик потому и классик, что умеет, скрыв художника, раскрыть человека, как рыбе брюхо. Может быть, кишки его собственные; может быть, – нет. Классика – это теперь наши общие кишки.

Аду затошнило. Она ясно представила себе бородатого «классика» наподобие «льва николаича» в кожаном фартуке, с тесаком в мозолистой писательской длани. Перед ним подвешенная за крепкие ноги, точно свиная туша, болтается Анна. Юбки упали, закрыв верхнюю часть тела и обнажив кружевные панталоны. Хрясь! И на пол летит кровавое дерьмо...

Натан раздвинул плотно прижатые друг к другу торсы русписов и поманил Артемиду, явно скисшую от видений и удушья.

«Смелей!» – скомандовал он.

Ада скользнула в образовавшуюся щель.

Неспешно беседуя о тенденциях в литпроцессе, судя по возрасту, на диване сидели сразу два «классика». Публика помоложе внимала стоя.

Лицо одного их «классиков» того, что поживее, украшали модные прямоугольные линзы в клетчатой оправе. Аде очки показались женскими. Сунув руку за пазуху, «клетчатый» извлек сложенный пополам лист.

– Вот что мне принесли... – Он расправил бумажку. – Рецензия!

«Писатель Г, – немного шепелявя начал он, – известный представитель направления вялых интеллектуалов современной русской литературы. Его проза пронизана философией неагрессивного powhoизма. Этаким взгляд сквозь бутылочное стекло, преломляющее свет и делающее мир кривоватым и косоватым, но безнадежно узнаваемым. Возможно, ты и сам бы написал об этом, только сегодня много пива и по ящику футбол, а завтра свидание или засе-

дание. Все это отвлекает. Писателя Г отвлекать некому. Телевизора у него нет, а на свидания, по словам все того же писателя, ходят только «мудаки» и «ляди». Писатель Г туда не ходит, поэтому имеет время размышлять и писать о «размышленном». Вдохновляется писатель Г исключительно по дороге на работу и обратно, подслушивая разговоры сограждан в общественном транспорте и очередях, а так же читая объявления вроде: «Баня работает. Вход в мужское отделение – через женское».

Нездоровые эстетские заигрывания с читателями, детективный конвейер и фэнтезийная толкотня, отвлекают народ от корней. Тогда как писатель Г обращает читателя к живому исконному, сермяжному, как сама правда жизни. На какой стене, скажите мне, последний раз вы видели начертанным самое выразительное слово русского языка?! И не вспомните! Сплошь граффити. В то время, как во всяческих органах и на всяческих уровнях муссируется вопрос «быть или не быть». Писатель Г приходит домой, надевает тапки, закуривает, ставит на газовую плиту чайник со свистком, и пока тот свистит, пишет свои, лишённые всякого пафоса тексты, рассказы, произведения, называя простые вещи простыми словами, и доводя фирменный стиль до полного...

– И причем тут русская литература?! – возмутился второй «классик». Вопрос шаровой молнией завис над притихшей аудиторией. – Годами, набивая руку, я входили в профессию... – его неприятный скрипучий голос поднимался все выше. – Трудолюбием, учебой, страстной любовью к своему делу выковывал стиль, форму! А эти новые голиафы от литературы! Выскочки и недоучки! Ни теории, ни практики... ни ценностей, ни разума! – первый ряд вставший во фронт, затаив дыхание внимал жаркой филиппике «классика» номер два, будто его перо сотворило, как минимум «Войну и мир». – В моем институте я тридцать писателей в год выпускаю! Приходите, учитесь! Рациональный способ. Теория плюс практика. Так нет. Они в носу поковыряют и вытащат... Сюжет! Роман!

Здесь «классик» номер два вскинул натруженный кривоватый перст и сделал вид, что ковыряет им в гипотетической ноздре. Притом гримаса его означала, что этакий «чародей слова» не смеет называться писателем!

– Позвольте не согласиться, коллега. Я уверен, рациональное к литературе имеет то же отношение, что глобус к мышеловке, – первый «классик» уже спрятал бумажку и снял очки. Его живые и хитрющие глазки бегали от взгляда собеседника, фундаментального и основательного. Вот этот «первый» точно не претендовал на гениальность, максимум «Незнайка на Луне».

– Все равно, я решительно не понимаю... Как можно поймать вдохновение на кусочек вонючего сыра? – возразил «второй» раздраженно.

– А ведь ловят, ловят! И многотиражно!

– Время нас рассудит, коллега...

– Я сказал им, что приведу хорошенькую поэтессу, – шепнул Натан Аде в ухо.

– Ты обалдел?! Я же хорюя от харлея не отличу...

– Думаешь, они с тобой о литературе говорить будут... – гнусно хихикнул он, выдергивая за руку из толпы робкую, недовольную самочку.

– Жуанский, посмотри кого я тебе привёл! – шустро развалился на диване меж двух «классиков», обратился к тому, что посвежее Натан. – Артемида-охотница!

Сакральный смысл ее имени в устах Натана утратил культурно-мифологический акцент, и Аде впервые стало неловко за греков. С десятков пар глаз, уставилось на нее. А она не знала, как выйти из дурацкого положения. «Натан-болван, – скакала в голове пинг-понговым шариком рифма. – Кастинг мне устроил, сутенёр-общественник!»

Надо было либо провалиться на месте, либо ответит!

– Он ошибся, – злость предала ей сил. – Я не охотница, я укротительница диких ослов! – Она хлестнула Натана взглядом так, что теперь уже ни у кого не было сомнений кто из присутствующих это милейшее животное.

– А Натан уверял, что поэтесса. Может, что-нибудь почитаете? – качнул головой Жуанский, одобрительно разглядывая её колени.

Ада растерялась. Должно быть, так теряются школьники после веселых выходных. Когда не могут вспомнить ни то, что задано, ни какое сегодня число! А настырное «учило» непременно желает в твоём исполнении: «Ночь, улица, фонарь, аптека...» Но в голове лишь дискотека и блок. Блок на всю голову. И ты мямлишь что-то бессмысленное...

– Артемида сейчас работает над циклом лимериков под рабочим названием «выйти замуж куда-нибудь в Пизу...» – пришел ей на выручку Натан, ставя ироничную точку в журнале успеваемости нерадивой ученицы.

Она была благодарна ему за спасение, но не за презентацию.

Классики переглянулись. А позади Артемиды, точно весенний ветерок пронесся смех и шепот.

Вечер, не суливший ярких событий, закончился в модном русском ресторане под цыган, борщ с пампушками и стерлядь «по-гусарски». Гусаром оказался модный литератор, сценарист сериалов, бонвиван и сплетник Жуанский. Натан на радостях накушался до «белых лошадей». Куражась, словно купчина, он размахивал перед халдеем вождельной зеленой купюрой, требуя привести белую лошадь. На удивление самого, через четверть часа у подъезда стоял шарабан. Белый в серых яблоках жеребец, кося черным блестящим глазом на нетрезвого двуногого, от умиления и восторга рыдавшего в его посеребренную гриву, тревожно фыркал и, пытаясь увернуться от пьяных объятий, отводил красивую голову.

Ада впервые видела человека с такой радостью расстающегося с валютой. Держа под руку совсем ослабшего от разгула Натана, Жуанский бережно поцеловал Артемиду в щёчку, попросив не забывать и звонить, когда захочется, при этом взгляд его был похотлив и влажен.

Вдыхая ночную прохладу, Артемида возвращалась домой по притихшему, спящему городу совершенно счастливой оттого, что ни одной мысли не трепыхалось в её невероятно легкой голове.

Глава четвертая

Сорок первый Новый год она встречала одна, в ослепительно белой шубке, искрящейся, словно, морозный снежок. Шубку принёс Санта Клаус, с параноидальной настойчивостью пытавшийся выяснить: есть ли здесь послушные детки. Из «деток» была только Ада. Так называл её супруг, себя же игриво именовавший «папусиком».

Муж изменял ей недавно и с удовольствием. Хотя нужно отдать должное, папусик по-прежнему был к ней внимателен. В общем, она ему не мешала, где-то даже сочувствовала. Ведь мужчина к пятидесяти, увлекшись старлеткой, рискует оказаться объектом не столько восхищения, сколько насмешек.

Что муж нашел себе отраду, Ада догадалась сразу. И не по тому, что усталость накатывала, и богатырский сон накрывал его, как только голова касалась подушки. И не по тому, что тенденции мужниного гардероба все больше сдвигались в сторону молодежных направлений. Просто в один изумительный вечер он решил отреставрировать свою бородку её крем-краской, а поседевшие лобковые волосы удалить при помощи спрея, для «области бикини». Отчаянный поступок супруга долго не давал ей покоя. «Область бикини! Это вам не Магаданская область! – сокрушалась Артемида. – Раньше мужчины ради женщин на подвиги шли, а сейчас разве что на пластические операции. Не делай трагедии из водевиля, – тут же успокаивала она себя. – Да, изменяет, но не со зла же».

Жизнерадостный дед завалился в прихожую. С его яловых офицерских сапог сразу натекла лужа. Облачен он был на западный легкомысленный манер в курточку, едва прикрывавшую зад, шаровары, колпачок и белоснежную барашковую бороду.

Борясь с равновесием, дед скинул с плеча алый бархатный мешок и вытряхнул из него объёмный, шуршащий пакет.

За ним выпорхнула нарядная открытка с упитанным гномом.

Упираясь головой в стену, фальшивый Санта попытался подцепить открытку короткими похожими на сардельки пальцами. Та не поддавалась, но и Санта упорствовал, шкрябал по полу и все-таки победил!

– Как зовут? – строго спросил Клаус, разглядывая картинку.

– Кого? Гнома?

– Тебя!

– Ада...

Нетрезвый мужик, косивший под сказочного деда, сосредоточенно читал, попеременно шевеля то губами, то растрёпанными щетинистыми бровями.

– Так точно, – наконец, отрапортовал Санта. – Так и написано: «Аде-детке с пожеланиями хе-пи ню... ню...» Ню, в общем, счастливого года!

Пошатываясь, он сунул открытку Аде в руку. Придвинул ногой пакет. И на манер уездного «коперфильда» достал из уха авторучку, чем сильно развеселил Артемиду.

– Получите – распишитесь! Здравия, как говорится, желаю! Хеппи вам в ню!

– Вы, дедушка, в каких войсках служили? – удостоверяя личность напротив галочки, поинтересовалась Ада.

– В рекламно-ракетных! – расправив плечи, гаркнул в синтетические усы служивый.

– Небось, спиртом бое... головку промывали?

– Кхе, так точно! – стартуя к первому этажу, уже из лифта громыхнул дед-затейник.

Ада присела возле пакета и задумалась. Откуда-то из дальнего чулана памяти вывалился бюст дикторши и чётко очерченным голосом напомнил, что двести грамм тротила достаточно, чтобы разнести всё недвижимое имущество и граждан в придачу. Наклонив ухо к пакету, Ада прислушалась вроде тихо.

«Интересно... тратил тикает...» – пронеслось у нее в голове.

Аккуратный почерк она сразу узнала:

«Ада-детка! Срочно вылетаю на объект. Будь умницей. Твой папусик».

«Папусик, – комкая открытку, пнула пакет Артемида. – На объект...»

Она запустила руку в пакет и брезгливо вытянула ненавистный презент... за шиворот. Шубка!

«Откупился, значит, друг спермацетовый. Выкинуть тебя в окно что ли или в мусоропровод спустить...»

Шубка была почти невесомой. Она прильнула к руке, щекоча запястье.

«Ах, ты, сучка ласковая, – Ада слегка встряхнула её, затем погладила. Волоски, до того кое-где топорщившиеся, смиренно улеглись. – Знал, что подарить. Красавица ты моя!»

За полчаса до полуночи, спрятав лицо в мягкий, пахнущий изменой воротник, Ада раскачивалась в такт сипловатым рыданиям негритянской дивы: «Сердце не плачь...». Впереди была одинокая ночь с фантастическими вариациями на тему «всё ещё будет».

Она и не заметила, как тягучий ликёр соула резко сменил попкорн отечественной эстрады.

«Делай же, что-нибудь!» – призывал из телевизора аккуратный юноша похожий на клерка похоронной конторы «Новый русский путь».

– Всенепременно, – вздохнула Артемида и обожгла горло вермутом.

«Мечты, мечты... какая разница... всё когда-нибудь становится прошлым... И мечты... Любовный шёпот превращается в кухонную брань, бальное платье в застиранный халат, а возлюбленный в плательщика по счетам, квитанциям и чекам. Вот такая грустная сказочка».

Удерживая полы шубки в раскинутых руках, точно снежинка-переросток, вместе с невеселыми мыслями, кружила она вокруг искусственной ёлки. Вспотела, запыхалась, скинула шубку на пол.

«А ты думала, они жили долго и счастливо? И умерли в один день? – вопрос предназначался шубке. Шубка молчала. – Хрен-sss... Он умер на личной трехпалубной яхте, когда та дрейфовала в э-ге-гейском море. Да! А она, она... – Ада хлебнула из горла и, морщась, упала на диван, накрест сложила руки на груди, но тут же передумала. – А она совсем не умерла! Она просто уснула в ожидании прЫнца».

Телеприемник демонстрировал мадам с отутюженным лицом: «... будь со мной зайчиком» – вождедела та.

Ада попыталась сфокусировать взгляд, но изображение примадонны расплывалось и, наконец, приняло очертание темного геометрического предмета. «Чисто Малевич», – перед тем как отчалить, все же успела подумать Артемида.

Голова, до ушей наполненная шампанским и вермутом, клонилась на бок, стекленеющие очи смотрели в окно. За ним грохотал салют. Разноцветные брызги, похожие на гигантские хризантемы, расцветали на облачном бархате и тут же осыпались в темноту. Она ощущала себя собакой забытой в пустом доме. Хотелось выть и грызть хозяйские тапки.

Ада зевнула.

Лёгкий сон накатила абстрактным пейзажем, точно соринка попала ей в глаз. Тишина постепенно заволакивала сознание и темная реальность, похожая на мусорный пакет, доверху набитый фрагментами бытия, уступила место ровному свету...

– Артемида, ты меня волнуешь, – вождедел Жуанский, вздрагивая бульдожьими щеками.

Потёртое кожаное кресло поскрипывало под растёкшимся хозяйским задом. Ада, стараясь не касаться почётного члена многих союзов, скромно сидела одной половинкой на артрозных коленях сценариста. Он же, изнемогая, продолжал нашёптывать половые нежности в её покрасневшее ушко.

Пора было на что-то решаться.

«Любопытно, на что ещё способен старый ловелас, – прикидывала она, разглядывая лежащую на столе книгу о разведении бабочек в домашних условиях. – Эстет. Баб ему мало, бабочек разводить собрался».

Время от времени Жуанский, норовил присосаться, своими скользкими, похожими на двух жирных гусениц губами к её тонкокожим и спелым, но промахивался. Ада, смеясь уворачивалась и «чмок» приходился то на щёку, то на шею.

– Ааа-дочка, лапка моя, ты меня совсем не любишь? Ты холодная женщина...

– Вашей резвости, Дон Жуанский, позавидовали бы черепахи, но не бабочки! – она уселась поглубже и раскрыла книгу. – А как любят бабочки?

– О-о-о... – сладостно выдохнул Жуанский.

– Вам нехорошо?

Жуанский постанывал, спрятав глазки во влажные мешочки век, редкие его реснички подрагивали.

– Нет, нет... Мне хорошо, мне очень хорошо... Бабочки... как мне хорошо...

– А правда, что самец находит самку для спаривания по обонянию? Даже за несколько километров? – не успокаивалась Артемида.

– Только если самка не умеет летать, Ааа-дочка. Но если у самца отрезать усики, то он никогда не найдет самку. – Жуанский прикрыл ладошкой грудь в области сердца, как будто не на шутку расстроившись за судьбу безусых.

– Я слышала, у туземцев существует легенда, что души умерших переселяются в ночных бабочек и того, кто убьёт ночную бабочку, подстерегает страшная смерть – отравленная стрела в живот! А дневные бабочки, там общедоступны, как женщины лёгкого поведения. Нанизывай на булавку, никто слова не скажет.

Жуанский поморщился.

– Ты кровожадна, как юннат, – упрекнул он ее. – Брачные танцы бабочек. Какая одухотворённость! В каждом движении, в каждом взмахе. Эфирные создания. Единственные из живых существ, доставляющие своей близостью, поистине эстетическое наслаждение подглядывающим.

Его рука, в немислимо модных часах (здесь могла быть ваша реклама) совершала неторопливый променад по женскому бедру. Он продолжал:

– Два прекрасных цветка начинают порхать, поднимаясь всё выше и выше... В струящийся золотой свет, в июльский, звенящий полдень, настоящий на одуряющем разнотравье и... – тут он засунул руку в карман брюк, что-то там проверил и продолжил свой “либидо”-птерологический экскурс. – ... кажется, они никогда не устанут от любовного танца. А после, накружившись, нацеловавшись вдоволь, разлетаются в стороны и почти падают на землю... Самка садится, распластав нежные велюровые крылышки, а самец бережно обмахивая её сверху...

Жуанский изловчился, поймал губу заслушавшейся Артемиды, страстно её помусолил и отвалился, осоловелый.

– ... я тебя хочу... Ааа-дочка... – опьяненный желаньем засопел он в её шею. – И если ты промедлишь рискуешь остаться без подарка, бабочка моя... – Ада напряглась. – Я как золотой цветок папоротника – распускаюсь раз в году. В остальное время я примерный муж, отец, дед и даже прадед. Шучу-шучу... – сбивчиво бормотал Жуанский, покрывая влажными поцелуями её плечи. – Лапка моя, ты можешь сказочно разбогатеть, если сумеешь овладеть мною... Ну, давай же, овладевай скорей... чувствуешь мой...

Ада ничего не чувствовала, вернее, чувствовала, но то, что она ощущала, скорее, походило на жалость, нежели страсть...

Сегодня с утра ей было скучно. Но позвонил Натан и позвал на чаёк к Жуанскому. Сам не пришёл, сославшись на неотложную случку. Его частенько приглашали на собачьи свадьбы в качестве посаженного отца. Клиентами были элитные хозяева породистых собак. Попахивающее перверсией хобби приносило Натану ощутимые деньги. Впрочем, чем сейчас только ни зарабатывают. Натан ничем не гнушался. С детства его приучали – любой труд почетен.

Чаёк у литератора был душистый. С инжиром и медовой курагой они выпили по паре чашек. Потом хозяин показывал ей коллекцию когда-то фривольных открыток. Ада сочла их вполне невинным. Некоторые забавными.

Как-то незаметно она оказалась на коленях у Жуанского, и теперь тот недвусмысленно требовал продолжения.

«Я, конечно, не собес, чтобы «трахаться» с пенсионерами, – слегка прикусив жёванное литераторское ухо, цинично рассуждала она, – но с детства нас учили уважать старость. Уважим разок. – Ада поднялась. – Каков он, особенный писательский талант? Секс, собственно, и есть творчество, – медленно расстёгивая, одну за другой маленькие блестящие пуговицы джогондово улыбалась она, и отражение её покачивалось в дурноватых глазках старого паганеля. – Говорят, с возрастом угасают таланты...»

Жуанский замер.

Скинув кофточку, Ада эффектно раскрутила её над головой и метнула куда-то ввысь.

«Сейчас бы музончик для драйва...»

Жуанский, словно взволнованный пёс, судорожно облизнулся.

Изящными пальчиками, схватив язычок молнии, она потянула ее вниз, змейка разошлась, демонстрируя кружевное бедро.

Жуанский смотрел, не мигая.

«Способна ли ты на половой поступок?» – не прекращая внутреннего монолога, Ада завела руки за спину и разъединила полоски бюстгалтера. Придерживая ладонями кружевные чашечки, неожиданно для зрителя, она втянула живот. Юбка соскользнула вниз по тонким чёрным чулкам, и упала на пол, обнажив точёные ноги. Переступив ее, носком туфельки она поддела юбку и отбросила в сторону обалдевшего сценариста.

В этот миг Артемида, казалась ему соблазнительней рекламной рагаццы с постера итальянской чулочно-носочной фабрики.

Жуанский ахнул.

– Ну, же!!! – взмолился он.

Ада повернулась вызывающе круглой попкой и метнула бюстгалтер – прицельно в семейный портрет, упакованный в «счастливую» рамку с глиняными сердечками и голубками. Голубки разлетелись по углам, но Жуанский не заметил. Ревущий в нем гормон, разорвавшись, точно глубинная бомба, оглушил хозяина, лишив ориентации и кислорода. Изображая лицом невероятную похоть, Жуанский хватал ртом воздух. Казалось ещё чуть, и он достигнет вершины, не вставая из кресла, точно путешественник-заочник от одного лишь видеоряда.

Последняя деталь цвета коралла, в простонародье именуемая стрингами, отделяла их от древнейшего из наслаждений.

Неожиданно Жуанский вскочил и потрусил мимо, к входной двери. Там долго лязгал замками, гремел цепочкой, торопливо приговаривая: «ща-ща-ща».

Когда он вернулся, Ада сидела на диване, целомудренно прикрывшись пяткой. Длинная майка несвежего оттенка, натянутая на арбузный живот литератора, не прибавляла сексапильности её обладателю. И ей захотелось бежать!

Но она осталась.

«Мне ничего не стоит сделать тебя счастливым, – глядя Жуанского по лаковой макушке, думала Артемида. – Нет! Не быть тебе больше «шопеном» в любви, не пролиться на шёлк и бархат девственниц. А вот мемориал... торжественный и величественный, мы еще попробуем возвести».

В дверь резко позвонили. И почти сразу Жуанский, издав протяжное «ы-ы-ы-ы», похожее на гудок отходящего парохода, закатил глаза и повалился на бок. С резвостью «неотложной помощи» Ада метнулась в кухню, схватила со стола початую бутылку минералки и, давась пузырями, выпила всё до последней капли. Центрифуга её мозга безумно вращалась. Обрывки мыслей мелькали в сознании: «... дядя... не в шутку занемог... не смог... не смог...»

Голая, с пустой бутылкой в руке, вместо того чтобы принять меры по спасению, она пристально рассматривала бабочколюба. Тот тихо лежал на боку, подтянув к животу ноги. Со стороны казалось, пожилой натуралист отдыхает после обеда.

Солнечный луч, просочившийся между штор, золотил кудрявые литераторские ягодицы.

И тут опять позвонили, настойчиво и резко.

Пластиковые иглы коридорного коврика терзали босые ступни. Не дыша, Ада прильнула к глазку. Лицо немолодого мужчины, обрамлённое длинными прядями, было искажено отечественной оптикой до такой степени, что находишься по ту сторону родной ее папа, она бы вряд ли его узнала. Мужчина уходит не собирался. Он сунул в рот сигарету и прикурил. Надо было решаться.

Накинув на себя первое, что нашарила рука – пиджак Жуанского, Ада попыталась совладать с дрожью и стаей «керберов», охраняющих писательский «айд». Через пару минут ей это удалось. Артемида толкнула дверь, и та плавно поплыла навстречу неизвестному.

Он вошел. Кривоватая ухмылка, жёлто-мутный свет, отраженный болезненными глазами гостя, длинное пальто кромешного цвета. Все это пугало.

Пытаясь спрятаться в клетчатый пиджак, Ада втянула голову.

– Великий дома? – спросил незнакомец серьёзно.

Называть живого «великим»! Ответить не хватило сил. Она лишь мотнула головой себе за спину. Незнакомец уверенно направился в ту комнату, где ненасытный Жуанский был так недавно жив. Ада зашуршала следом.

«Зачем я открыла, зачем...»

Ей вдруг почудилось, что за мужчиной тянется хвост... и не мужчина он вовсе, а...

Аде сделалось дурно, она прислонилась к стене и мгновенно растворилась в чёрном кофе обморока.

Из глубины, из вязкой гущи, переливаясь, медленно приближалась, нарастала вертикальная радуга. Постепенно она приобрела очертания женского профиля. Женщина повернула к Артемиде некрасивое лицо, и капризные губы стали выпускать перламутровые пузыри, в каждом из которых, словно в люльке, покачивалось словечко:

«И... пусть... земля... ему... будет... холлофайбером...»

Как только последнее слово было изречено, пузырьки полопались с наинежнейшем звуком «пук». Губы, огненной бабочкой вспорхнули с изумлённого лица женщины... зелёное махровое полотенце, обмотанное вокруг её головы, развязалось и живой травкой упало на тёмное поле сознания... потоки волос заскользили тихой речкой... пиявки бровей, извиваясь, плыли над серыми песчариками ее глаз... а нос, обернувшись сгорбленным рыбаком, тихо дремал под колыбельную тростника... «Шур-шур, шур-шур» рассекая хрупкими крыльями студенистый рассвет, стрекоза присела на застрявшей в прибрежной тине, разбухший, словно, утопленник, батон. Соты ее глаз отразили воду, ряску и лягушачью лапку, запутавшуюся в негодном презервативе...

Очнувшись, Артемида поняла, – прошло не больше минуты. Мужчина даже не заметил её припадка.

Вид не одетого литератора несколько не смутил посетителя. Почти равнодушно он склонился над телом и тремя пальцами нащупал признаки жизни на дряблой шее Жуанского. Свевив трепетание жилки с секундомером часов, незнакомец воскликнул: «Трабахо мучо!» и его бедра изобразили что-то, наподобие самбы де Жанейро.

– Да, забыл представиться! Зверолюдов. Друг семьи, – рука его потянулась к телефону. – Сейчас позвоним супруге и в скорую. А вы дуйте отсюда. И побыстрее. У неё темперамент, знаете ли, и бомба.

– Какая бомба? – тупо переспросила Ада. – Ах, да «бомба»...

– Идите к мужу, сударыня, идите...

– С чего это вы взяли, что у меня есть муж? – возмутилась вдруг Артемида.

– У всякой порядочной женщины должен быть муж. Я несколько не сомневаюсь в вашей порядочности, – казалось, без тени иронии настаивал друг семьи.

Беспутная Артемида возмущалась недолго. Положение, в котором она теперь оказалась, не позволяло ей изображать оскорбленную невинность. Она собирала разбросанную по комнате одежду, стараясь не наклоняться и не распахиваться.

Зверолюдов наблюдал.

«Юбка на шкафу», – бесстрастно указал он. Ада подкатила кресло, забралась и стащила пыльную юбку. Её пугало хладнокровие странного друга больше, чем лежащей у его ног, полумертвый Жуанский.

Тем временем, решивший выжить Жуанский, громко икнул.

– Жить будешь, но не часто. Раз в месяц, три в квартал, – по-дружески приговорил Жуанского Зверолюдов.

В ответ предательская влага омыла порозовевшие писательские щеки. Ада даже ощутила что-то похожее на сострадание. В носу у неё зацепило, взгляд затуманился слезами. Она отвернулась, ей было невыносимо жаль Жуанского, но себя еще больше. Ведь у Жуанского была жена, которая непременно станет кормить его куриным бульоном и дежурить у постели, пока тот не обретет силы для новых творческих встреч. А у Ады не было никого... Никого. Даже муж ее бросил.

Покачиваясь в метрошном вагоне, Артемида разглядывала свое отражение в стекле напротив. Незнакомая женщина глядела на неё из темноты. Но Ада была спокойна. Пусть время для неё бежит теперь быстрее, она не станет его обгонять. Её задача не отстать.

Глава пятая

Телефон не желал умолкнуть, настойчиво и резко требуя внимания. Ада, не открывая глаз, нащупала трубку. Сказать ничего не успела.

– Как настроение, детка? – голос мужа звучал бодро.

– Как всегда отменно-депрессивное.

– У меня для тебя новость. Понимаешь...

– Понимаю.

– Ну, это ты брось... Я решил...

– Сменить автомобиль, заодно и жену. Как? Угадала? – Ада зевнула и, повернувшись с бока на спину, уставилась в потолок.

– Нет...

– Значит только жену, – безразличным тоном перебила она мужа давно готовая к такому финалу. – Ложки-вилки делить будем?

– Нет, конечно.

– Тогда, что от меня нужно?

– Почтовый ящик опустошай вовремя, а то подумают, что никого нет и обнесут.

– Да меня по жизни обнесли, куда уж больше, – философски заметила Артемида, примеряя на нос обручальное кольцо, валявшееся без дела на прикроватной тумбочке.

– Ладно, хочу зайти забрать се...

– Сервис фамильный? – Ада опять не дослушала. – Так я его уже упаковала в коробку из под бананов.

– Упаковала? Кого? Билет? – искренне удивился папусик.

– Какой билет – сервис! – начала раздражаться Артемида.

– Я билет хочу забрать. Партийный. Сегодня. Ты не помнишь, где он лежит?

– Я даже помню, что за последние двадцать лет у тебя взносы не уплачены. Но если настаиваешь, положу билет к сервису. Чаю попьёте с товарищами из фарфора буржуйского.

– Ты все шутишь, а дело серьезное. Я зайду.

– Заходи. Главное конспирация. Пароль-то помнишь?

На другом конце так же резко отключились.

«Как далеко нужно было уйти от обезьяны, чтобы понять, что мы не всё еще от неё переняли», – Артемида выхватила из рук мужа свой крошечный блокнот. Под невзрачной картонной обложкой, с некоторых пор, она собирала собственные, как она их называла, «мыследумы».

– Тебе разве не говорили, что читать чужие дневники некрасиво?

– Ой-ой-ой. Я случайно заглянул. И вообще у некоторых после прочтения ваших сентенций наступает коллапс мозжечка и катарсис копчика.

– Не у вас ли? – Ада вытащила из лаковой шкатулки, забитой разными бумагами, бордовую... книжицу, протянула мужу:

– Вот билет. Там еще удостоверение киномеханика имеется. Не нужно?

Папусик, молча, сунул билет в нагрудный карман куртки и бережно застегнул пуговку.

– Зачем он тебе?

– Пусть будет...

Передвигаясь по квартире с огромной сумкой, папусик кидал в нее извлеченные из шкафов свитеры, джинсы, рубахи. Видимо, для поддержания диалога, Ада ходила следом. С блина, смазанного клубничным джемом, капало на пол. Выдвинув очередной ящик, папусик искренне удивился обилию исподнего, лежавшего вперемешку с носками. Разметав в стороны майки-трусы, он вытащил два запаянных комплекта, придирчиво осмотрел целостность пломб на упаковке и кинул в сумку. Очевидно, носки и поношенное белье, уходящий муж, решил оставить покинутой жене на долгую память.

– Знаешь, о чем я подумала, – облизывая сладкие пальцы начала Артемида, определенно надеясь на диалог. – Никогда не дарите нижнего белья своим возлюбленным. Срок его годности может быть дольше, чем срок любви. И тогда вполне вероятно, что чьи-то чужие руки будут стаскивать ваш подарок с когда-то возлюбленного тела.

– Умничаешь много... – и жрешь, – ответил ещё муж, на корточках утрамбовывая вещи. Он вдруг резко обернулся и, глядя на Аду с укором, тихо спросил:

– Признайся, ты ж никогда меня не любила? – взвизгнула молния, щелкнули замки. – Зачем тогда замуж пошла? – Папусик поднялся, вплотную подошел к еще жене. Желваки на скулах угрожающе напряглись. – Жизнь себе испортила. Назло ведь пошла – в голосе закипала ревность. – Дуры вы все бабы, даже умные – дуры! Жила бы сейчас в хрущобе со своим, как там его... Лелик? Петик? Трудилась бы бухгалтером. До старшего уже б дослужилась. Кредиты бы отбивали. В плазму футбол болели. Мужу бы борщ к ужину. Меня-то от твоего борща всю жизнь пучило. Любили бы друг дружку, как положено с субботы на воскресенье... На подарки мои купилась... На шапку из хонурика любовь сменяла... Ты с ним спала?! Ну, признайся, спала ведь? Крови твоей я так и не видел...

Ада опешила. Можно подумать, что это она уходила от мужа к любовнику, а не наоборот. «Крови моей захотел!» – на всякий случай Артемида отступила на шаг. Кто знает, что в голове у недолюбленного мужчины. Оказывается и у мужчин в голове не все так просто...

– Забыл, как нас на родительской тахте застукали?! До свадьбы! – Осмелев, горячо и страстно заговорила уже почти не жена. – Скажи спасибо, что мама зашла. А то первая кровь была бы твоя! Ладно. Не любила и что?! Зато, как мне легко с тобой расставаться! Я улыбаюсь, я радуюсь твоему счастью! – Она попыталась изобразить на лице радость расставания, да разве изобразишь... Аде хотелось уязвить пообиднее. И ей удалось. Муж глядел на нее с дикой, животной ненавистью. Видно, ее действительно разлюбили.

Почувствовав угрозу в его сжатых бескровных кулаках, в прыгающих желваках, в воздухе, что отрывисто вырывался из напряженных ноздрей, Ада сдрейфила.

– Мурзика помнишь? – снять напряжение нелепым вопросом получилось. Муж разжал кулаки и губы.

– Какого Мурзика?

– Бабушкиного кота, который мне в ридикюль нассал, в прихожей оставленный. Прямо на свежевыданный паспорт и нассал. Неужели не помнишь? Менять паспорт тогда отказались. Первый мой паспорт. Помнишь?

– И что? – сухо бросил папусик и, отвернувшись, стал вытряхивать содержимое шкатулки на стол. Ада не верила глазам – муж выбрал свои любовные письма к ней, написанные еще до свадьбы, положил в медную вазу, что стояла тут же, и подпалил зажигалкой! Письма корчились, но горели. Огонь поднимался все выше, в комнате стоял резкий запах жженой бумаги.

– ... от паспорта так воняло... – рассеянно проговорила Артемида, не в силах оторваться от костра ненависти. – ... что пришлось срочно выходить замуж...

Костер пылал. Ада стояла замороженная. Пол вокруг нее был закапан кроваво-красными пятнами клубничного джема, медленно вытекающего из блина, зажатого в безвольно опущенной руке.

– Помню, у меня еще до кота в эту сумку... целый флакон французских духов вытек, так пахло ровно два дня... – вяло закончила она и тут, перехватив поражающий, уничтожающий взгляд, бросила почти безразлично:

– Она блондинка? Молодая?

– Неважно. Лучше собой займись.

Пламя сникло, муж подхватил сумку и понес к выходу.

Ада потащила следом.

– Тебе сколько лет? Работать попытайся, что ли. Труд он облагораживает, запиши там в своем блокнотике. Специально для тебя Дарвин заметил. Вот ты вроде обезьяну обогнала, а трудиться не научилась. Делом займись.

– Мне работать вредно. Я пробовала. И ты мне не хами! – плаксиво взвизгнула Артемида, поняв, что ее реально бросают. И это не шутки!

Чтобы заткнуть рыдания, она засунула недоеденный кусок в рот и стала сосредоточенно пережевывать.

– Я не хамлю. Беспокоюсь за тебя... – равнодушно бросил мужчина, пытаясь снять с кольца ключи от чужой уже квартиры и жизни.

– Не стоит за меня переживать! – комок теста во рту придал её голосу глухие, угрожающие нотки. – Я буду богата и знаменита! – выкрикнула она отчаянную глупость, в которую и сама-то не верила. – Все таблоиды мира украсит мое фото в подвенечном наряде от Гуччи! – Отчего именно Гуччи попался ей на язык в тот момент, она не поняла. Её перехлестывало и уносило. – Я стану посещать светские рауты, как ты корпоративные пикники! Я... я...

– Неужто герцог Абрамович-Виндзорский овдовел? – бесцеремонно осадил ее заклинания папусик. – Дверь закрой, мечтательница.

Дверь хлопнула, точно привела приговор в исполнение: «Свободна!»

Ада стояла в коридоре с застрявшим в глотке «Я» и боялась глубоко вдохнуть, чтобы не поперхнуться собственным красноречием. Теперь уже бесполезным. «Что дальше... что дальше...» – будто судорогой свело её беспечный мозг. А ведь совсем недавно муж подарил ей огромный букет изнеженных тюльпанов. Их было больше сорока. Она, как всегда отругала его за бездарную трату денег, а на утро тюльпаны сбросили фарфоровые лепестки и пол возле их постели был улан жёлтыми осколками.

Желтые цветы к измене, но осколки-то к счастью!

Глава шестая

Утро понедельника выдалось неласковым. Мозгосос и тот не подавал признаков жизни. По всем каналам профилактика, работают люди, профилактируют. Все суетятся, а ты вроде как бы и не при делах. Все серьезны и озадачены новыми планами. А тебя и развлечь некому.

Не найдя чем ментально отравиться, Артемида шагнула от синего экрана в сторону холодильника. И когда она повернулась спиной к нему эфиру, тот на мгновение ожил, озадачив ее фантастической синкопой:

«Людвиг Ван Бетховен долго мечтал положить на музыку...»

Удивленная, она медленно развернулась, но экран по-прежнему был непорочен и беззвучно улыбался ей строкою «нет сигнала».

И тут она на минуту представила: «а если бы положил!» Мысль была не нова, но интересна вроде вырванного звена из цепи культурной эволюции.

«... и не видать нам тогда ни гениальной прозы Толстого, – рассуждала Артемида, сосредоточенно взбивая омлет из десятка игрушечных пестрых яичек, – ни просветленного вождя мирового пролетариата, ни широкоэкранный очарования пса. А скольких европейских заку-

сочных названных лдвигвановским именем лишилось бы человечество – подумать страшно! А какие в тех закусовых штрудели! Ах, слюнки, слюнки...»

Наевшись и напившись чаю, она все-таки решила изменить жизнь, и начать не с понедельника, а с антресолей. Если уж меняться, то основательно, беспощадно расставаясь со старыми вещами и привычками.

Первой преградой на пути к переменам стала объемная картонная коробка. Разумней было бы обстоятельно подготовиться, притащить стремянку, но Ада была нетерпелива во всем, за что не раз получала по голове.

Вот и теперь, подпрыгнув, она дернула за ручку. Дверца открылась. Перепуганной курицей коробка сорвалась с насиженного годами места и, вскользь ударив потревожившую ее по лбу, глухо ухнула об пол, вывалив содержимое. Потирая ушибленное место, Артемида опустилась на колени рядом с рассыпавшимися фотографиями и принялась разгребать потускневшую бумагу, силясь вспомнить, – кто эти люди.

«Для чего столько?» – недоумевала она, перебирая черно-белые секунды, старательно выхваченные объективом доморощенного папарацци. Ада не спешила. Слой за слоем из «родовой породы» бережно извлекались неопознанные мужчины, женщины, дети, собаки. Словно шлак они шли в отвалы. По обе стороны от Артемиды возвышались небольшие холмики, но под тонким слоем чужаков уже угадывались, мерцали драгоценные пласты родимых лиц и пейзажей. Мамочка-мама! Молодая, красивая, веселая. И папа – серьезный, солидный, придерживает её за локоток. Из плечистого модного драпа торчит худая, мальчишеская шея. Коротко стриженная голова с аккуратно прижатыми ушами прикрыта мутоновым «пирожком». Ада гордилась своими ушами, ушами она пошла в папу. Когда нечаянно повзрослевшие одноклассницы вдруг обнаруживали, что уши совершенно лишняя часть лица и всячески пытались их завуалировать, она остригла волосы под модный тогда «сесун», явив миру идеальную форму. Но никто не оценил. Недозревший мальчишеский пол тогда привлекали девочки с большими ушами. В классе таких было две. Одну звали Виола, другую Танечка. Безжалостные мальчишки так и норовили крикнуть гадкие слова в их бледно-невинные оттопыренные и замысловатые ушные раковины. Предательские уши вспыхивали в цвет пионерскому галстуку, еще больше веселя одноклассников. Укрыть их за волосами удалось только Танечке. К выпускному оба уха были надежно спрятаны под тяжелыми прядями, и про них все забыли. Танечку считали красавицей. А Виолу спасла самодеятельность. С пятого класса свои жидкие волосенки она прилежно зачесывала на уши, прикрывала атласной лентой или бисерным кокошником и настойчиво пела про «люли-люли, да, во поле береза...» лишь бы не сделаться изгоем и невротиком. Она ездила по стране в составе русского хора и была солисткой. А позже заслуженной артисткой, хотя Ада бы присвоила ей сразу народную, за репертуар и характер.

Ада заботливо сковырнула со снимка засохшую крошечку, кто знает, сколько ей лет...

Голый пупс на другом снимке, с черными, похожими на отборные маслины глазищами, как положено фотомодели молочного возраста, лежал на животе и был не по-детски серьезен. Она себя не узнала, но химический карандаш аккуратно сохранил и имя и время. «Ада. 3 месяца» – значилось на обороте. И Ада не поверила. «У всех младенцев такие огромные глаза, куда потом все девается...»

Улыбающаяся беззубая первоклассница смотрела на неё с другой карточки – в кривых косицах по капроновому банту-пропеллеру, белый фартучек, три гладиолуса зажаты в руке. Рядом подружка Лена. Она вспомнила фамилию подружки и первый сентябрьский день, разлинованный в косую полоску дождя. Этот день, как бумажный кораблик, белый и чистый, словно проплыл по волнам ее памяти. Неужели все это было... и детство и огромное счастье, оттого, что вся жизнь впереди, и ты еще не представляешь, что жить – это тяжелый труд.

Вот они, вот они: выпускные, групповые, итоговые, цветные. Чтобы не забыть, что училась девочка, чтобы не забыть с кем дружила девочка. Свадьба, муж, новые родственники –

все как у всех. И снова – голый пупс. Все в той же кукольной позе. Круг замкнулся. Чей это сын? Ада перевернула фотографию «Ксенюшка 3 месяца». Кто такая эта Ксенюшка...

Она оставила несколько самых счастливых фото, остальные, бережно сгребла в коробку и отправила назад на антресоли.

Опять не вышло начать новую жизнь. Не хватило сил расстаться ни с привычками, ни с фотографическими родственниками. «Мои привычки мне дороги. Если вырвать прежние, я постепенно обрасту новыми. И где уверенность, что они будут прекрасней утраченных», – оправдывала себя Артемида. Лукавый дух её логики был таким соблазнительным. Он не насиловал ни души, ни тела, предоставляя последним максимум удовольствий при минимуме затрат. На все находилось и оправдание и утешение. Я ем, а кто-то голодает, я сплю, а кто-то работает, я мыслю, а кто-то даун. Я счастлива, оттого что ем, сплю и мыслю. А что я ем, с кем сплю, о чем мыслю – не важно. Главное – я счастлива. Так пусть счастье станет моей привычкой!

Как бы ни так! Бессилие и лень крепче.

И все же, злясь на себя, Артемида не отступала, всей душой желая перемен. Сознательно изнуряя мозг, она проштудировала от корки до корки купленную накануне газету для безработных. Уборщицы, секретарши, бухгалтерши... Напрасно! Желание работать так и не разгорелось.

Корпоративный муравейник, в котором однажды с тоски она имела неудовольствие трудиться, надолго подорвал её веру в светлое человечество. Ада была не амбициозна, независлива и независима. Потому выжить в нем не могла априори. Осознавать себя корпоративным муравьем, изо дня в день создающим чей-то успешный бизнес, смиренно перетаскивая листочки ведомостей, отчетов и докладных записок из кабинета в кабинет, ей надоело уже через месяц. В том, что на её теперешнее место, да за такую зарплату, найдутся полсотни более старательных муравьев, она не сомневалась. «Заменят и не заметят. Стоило ли пробиваться на свет божим человеком, чтобы по-муравьиному покорно предаваться коллективному бессознательному, – думала она в минуты мысленного перекура. – Неужели мое предназначение в том, чтобы охотиться за клиентами, как индеец за скальпами, а после с тупой кровожадностью, напевая корпоративный гимн, забивать и забивать... ими базу данных. Здесь даже цветы в утвержденной сине-зеленой гамме. Мда... Отчаянная мимикрия живых организмов. Лишь бы выжить, лишь бы остаться».

Ада была яркая. Таких не любят, таким завидуют. Она и раньше не верила в сахарную пудру женской дружбы. Оголодавшие тетки не могли простить ей мужа, достатка, физической привлекательности, а более – независимости от бонусов и слухов. Мужчины поначалу норавли пригреть её взглядом и не только. Это будоражило зависть и возбуждало злословие обделенной половины коллектива. Но она пренебрегла их плотоядным вниманием и поплатилась. В конце концов, её сожрали, тихо выпили кровь, улыбаясь, лишили праны. Ещё бы чуть-чуть... Она физически ощутила, что такое «сглаз и порча» в отдельно взятом обществе с ограниченной ответственностью. Она не смогла приспособиться. Каждодневные прения по гендерной проблеме за чашкой чая с кофе Ада считала ещё одним возмутительно бездарным занятием, потому прослыла высокомерной и нечуткой. И она ушла, подразнив на прощание унылых теток тем, что женщина не должна бояться замужества. Совершенно не нужно долго раздумывать, взвешивая все «за» и «против». Нужно смело выходить замуж и разводиться, выходить и разводиться... И так до тех пор, пока не обретешь гармонию.

И вот она, воплощенная идея! Разведенная и ничья...

Последняя страница газеты, которую теперь просматривала Артемида, предлагала креативно заработать на антирекламе, точнее – партия «синих» организовала всемирный конкурс АНТИРЕКЛАМЫ. Призом для победителя значилась поездка на ближайшей саммит всемирный и торговый. Вот там-то победитель и развернет свой призовой плакат, с придуманным им

же антирекламным слоганом. И станет пикетировать до посинения, выражая протест и просто нецензурно выражаясь по поводу глобализации и опасной, предположим, колбасы. Колбасу Ада пригвоздила сразу, выбрав её из перечня прилагаемых продуктов и событий. Она давно не уважала ее за повышенную канцерогенность и запятнанное коммунистическое «вчера». Строчки явились сами собой. Вышло задорно, по-молодежному:

Забей на колбасу, дружище!

Она отравя, а не пища!

С таким резюме можно было запросто претендовать на вакансию антиглобалиста, готовить загранпаспорт и рисовать плакат. Ада «намылила» вдохновенное письмо организаторам и заодно «ку-кукнула» Натану.

После приключения с Жуанским, она прибывала в меланхолии и на все натановы предложения отвечала отказом. Теперь же имея полный карт-бланш от мужа и новую шубку от него же, Ада желала развлечься, если уж не удалось измениться!

Праздничный ярлык напротив «ника» уверенно сигнализировал о дне рождения Натана. Это был отличный повод возобновить контакт. Правда, она немного удивилась, ей помнилось, что по этому поводу поэт уже напивался.

Натан оказался «онлайн» и так обрадовался, что немедленно пригласил ее к себе поиграть в нарды и поесть фисташковой халвы. Артемида с удовольствием приняла предложение, несмотря на то, что халву не переваривала, а нарды считала настольной игрой драгдилеров.

Весна только проклевывалась, но на улице уже вовсю торговали солнечным товаром. По пути Артемида примерила пару-тройку очков и ничего не купила.

Настроение было отличное. Резвый ветерок, веселясь и радуясь вместе с ней ясному дню, задорно гонял по бесснежному тротуару разноцветные обертки и жестянки.

Из привычного хаоса городских звуков слух ее выудил музыку, живую и какую-то залихватски печальную. Музыка была так невообразимо хороша, что Ада пошла на ее призыв вроде очарованного гамельнского ребенка.

Музыка привела ее к метро.

Курносый блондин в узорчатом пончо и с огромным кольцом в ухе прижимал к нижней губе дудку, выдувая из глубины тонкого тростникового горла необычайно густые, какие-то простужено-протяжные заунывные и вместе с тем чарующие мелодии. Бледная женщина в яркой грубой накидке вроде индейской, стояла рядом и сосредоточенно перебирала струны укулеле, подвешенной на расписной широкой ленте.

Экзотический дуэт собрал немного сочувствующих. Люди спешили мимо – своих печалей хоть отбавляй! Но стоило музыкантам прибавить оборотов, и тут же редкие молчаливые слушатели превратились в зрителей страшных танцев. Не понятно откуда взявшиеся полупьяные баба и похожий на шлагбаум мужик в камуфляже, разметали народ по сторонам, включив перпетуум-мобиле своих конечностей.

В шаманской первобытной дикости, парочка самозабвенно скакала вокруг музыкантов под ритмичную мелодию, беспорядочно выбрасывая в стороны руки с уродливыми растопыренными пальцами. И делала это так азартно, что иные сочувствующие искусству личности из зевак, поддавшись куражу, резво впрыгивали в круг безумного перепляса.

Под эквадорскую народную одни выкаблучивали «барыню», другие брейк, а некоторые и вовсе степировали. Чтобы скрыться от похабных танцев соотечественников, Артемида прислонила спину к стеклянной стене ларька, закрыла глаза и отдалась солнцу, точно ласковому любовнику.

Сиплый голос печальной дудки уносил ее все выше и дальше... к другому краю неба. Туда, где, прячась в легкие меха туманов, царственные Анды безмолвно взирали на камени-

стую дорогу, серой рекой скользющую по солнечному склону... на греющих шелковые бока пугливых викуний... на...

– Почем кал? – заслонив пейзаж, вопрос повис поперек музыки, и перед очнувшейся Адой возникло огромное, мясистое ухо, проход в которое зарос седой щетиной. Мужчина, такими в час пик забит весь общественный транспорт, высматривал за стеклом ларька нужную книжицу. И видно нашел.

– Двести, – лениво ответила ничуть не смутившаяся продавщица, небрежно бросив на прилавок «экскременты» в твердой обложке.

– Беру! – обрадовался библиофил, перебирая засаленные купюры. Через мгновение говнокнижица нырнула в его заплечную торбу к пивку и пельмешкам.

Мужик, так бесцеремонно опустивший ее с Анд на землю, унес радость. Музыка смолкла. Да и солнце играло недолго. Неожиданно небо нахмурилось, опустилось ближе к земле и стало выдувать снежные хлопья. Холодные, скучные они летели вдоль улицы, натываясь на такие же лица прохожих, не радуя и не удивляя. Ада подняла воротник и, скрывшись до глаз в уютном тепле шубки, побрела на остановку.

Объявление, прилепленное скотчем к остановочной беседке, выглядело абсурдно:

«Требуются писатели...»

Два бумажных язычка с номером были оторваны. Этот факт позабавил Артемиду и она, отрывая третий, подумала: а не податься ли ей в писательши. «Тоже работа, не хуже остальных. Ноги в тепле. Почет, слава, уважение. Станут интервью брать, – размышляла она. – На шоу приглашать, советов спрашивать, мнений...» Сейчас ее кому интересно. Если только барышням из службы обзвона: «Как вы относитесь к тренажеру «тонкая талия?» А никак я не отношусь к хала хупу... А будь она модной писательшей, тот же вопрос звучал бы на порядок значительней, что-нибудь вроде: «Сегодня вы на стороне гламура или антигламура?» – а по сути тот же хала хуп...

Нынешняя литература все больше напоминала Артемиде публичный акт дефекации. «А вдруг и у меня получится, если поднапрячься... Может попробовать... может что-нибудь выйдет... этакое... в духе социального порно... назвать позабористей... вроде «Блудни гламурной падонши». А что? Главное продать подороже... А потом ещё и ещё. Так и втянусь...»

Глава седьмая

Натан был пьян. Он спал, разметавшись в кресле. Из расстегнутой рубахи торчал круглый гладкий живот. Его бледная кожа была густо усыпана родинками, отчего живот походил на звездный глобус. Разомкнутая брючная молния демонстрировала веселенький нательный трикотаж. На полу валялись: пиджак, ботинки, галстук и связка ключей. Непосвященный мог бы заподозрить Натана в бурном сексе, но не Артемиду.

Ничего отвратительного в пьяно-спящем она не находила. Напротив, солидная емкость по имени Натан, вместо храпа быка задыхающегося в петле, воспроизводила интимную мягкость барочной флейты. Ада приблизилась к инструменту почти вплотную и наострила ухо. И тут, давая проход выдыхаемому воздуху, губы Натана слегка зашевелились. Virtuозное джазовое глissандо её поразило. Но больше, – светлая грусть очередного звукоизлияния, напоминавшая заслушавшейся Артемиде саундтрек к кинофильму «Однажды в Америке».

«Браво, Натан, брависсимо!» – поощрила она именинника, слегка хлопнув ладошкой по его голому пузу.

Натан медленно раскрыл глаза и тут же зашторил. «На-та-аан... С днем рождения...» – щелкнула его по носу Артемиды. Натан проснулся окончательно и, спохватившись, стал неловко задергивать ширинку.

– Да ладно! Что там скрывать-то? Не посягну! – зафиксировав поцелуй на примятой душистой щеке приятеля, она протянула подарок.

– Спасибо, спасибо... положи вон на столик... Я что заснул? – истоиво растирая ладонями и без того красное лицо, поинтересовался именинник.

– Ты в каком состоянии был, что дверь не закрыл входную? Хорошо я пришла, а если бы серый волк!

– Чо-то сегодня сильно... На фирме поздравили... Потом вроде довели... Дальше – занавес... Ох... У тебя пива нет?

– Пива нет, есть квас... бонусный, – Ада достала из сумки двухсот пятидесяти граммовый пластик бесплатно и неожиданно доставшейся ей в магазине, где она покупала подарок.

– Все равно... Давай. – Натан залил в рот жидкость, стряхнул последние капли на обложенный желтоватым налетом язык, сглотнул и посмотрел на бутылку. Квас назывался «После бала».

– Совсем распоясались криэйторы... или мне с бодуна померещилось?

– Нет, не мерещится... Креаторы, Натан, – циничные боги консьюмеризма! – гордо выдала Артемида и помотала перед носом Натана маленькой брошюрой на ниточке, только что снятой ею с пластикового горла бутылки. – Глянь что придумали...

– Я не вижу ничего, мелко... сама... – с трудом выговорил именинник, прикрывая глаза, и отвалился на спинку кресла.

– Ладно, сама зачту. Это не простой вынос мозга, а художественный! Слушай и вникай, как нужно увеличивать продажи:

«Мы рады, что вы приобрели НАШ продукт! Мы гарантируем вам традиционное качество и новые возможности!»

Серия русских классических напитков, разработанная совместно с министерством образования и рекомендованная к употреблению министерством здравоохранения включает в себя морс, квас, медовуху. Напитки выпускаются в емкостях по 0,25 и 0,5 литра. И предназначены, соответственно, для младших, средних и старших школьников. К каждому из напитков прикреплена краткая аннотация литературного произведения или стихотворный текст. Теперь школьнику не составит труда самостоятельно сформировать «библиотечку» изучаемых произведений. Мы предлагаем освежиться и освежить в памяти любимые литературные произведения вместе с НАШИМ продуктом! Классика – пейте с удовольствием!»

– Каков слоган! В чистоте своей незамутненной! «Классика. Пейте с удовольствием!» Вот то, что ты выпил, – Ада указала брошюрой на пустую бутылку, – «послебало–освежило» для девятого класса. И это не все... – она наспех штудировала синопсис на ниточке. – Во! Нашла! Ты хоть помнишь в чём суть? – вдруг засомневалась Артемида.

– Чего суть? Послебало? Что-то про неуставные... – неуверенно вспомнил Натан.

– Автора-то припоминаешь? – подозрительно глядя на свинскую рожу поэта, уточнила она.

– Чего там припоминать... Если не Пушкин, то Толстой... Голова раскалывается... Кого-то там херачил полковник после бала... Чо ж так плохо-то... Ох...

– Угадал! А гениальный спонсор этого пересказа никогда не догадаешься кто! Креативно–юридическая фирма «Отмазник». Тут и мейл, и телефон имеются. Вник?

– Не то слово... Гарнизонными ужасами запугивают молодежь... на классических примерах так сказать... Представляю, что там ещё... Хмельной «идиот» и клюквенное «обломово»... Что ж так плохо-то...

Натан взял со стола бутылку, в надежде высмотреть хоть каплю, покачал из стороны в сторону.

– На дне есть!

– Не-а... – роняя бутылку, возразил он печально. – Пусто...

– «На дне» – медовуха для одиннадцатого, – продолжала шуриться в текст Артемида. – С градусами! Опс, тут еще из поэзии есть! «Мцыри» – пейте охлажденным!

– «Мцыри»! – оживился Натан, – «Мцыри»... хорош наверное со льда... Минералочка? Ох... Может, сходишь на кухню за водичкой... из-под крана хоть...

– А может тебе головушку под водичку? Давай-ка вставай, вставай, пойдем...

Через четверть часа, смахивая со лба последние капли холодного душа, в комнату вошел Натан. Он был практически трезв. Махровая мантилья ультрамаринового цвета, покрывающая его голову и плечи, золотилась логотипами Гранд Отеля страны, которую недавно посетил смекалистый турист.

– Так как? Работаем?

Ада была готова к сотрудничеству, но можно ли доверять человеку, увозящему с курортов подобные сувениры. И все же она кивнула, как всегда простодушно надеясь на лучшее.

– Тогда слетай вниз к машине. Там пакет, принеси. Договор о намерениях подписывать будем.

– Может, хватит тебе подписывать...

– Все нормально. Там бумаги, – Натан подобрал с пола ключи и кинул Аде.

– Машина у подъезда... Должна быть... Длинный – от входной двери, короткий – от зажигания. Смотри не перепутай, – заржал он, – и на красную кнопку не нажимай! Микрорайон обесточить!

Спускаясь по лестнице вниз, Ада лишь на минуту допустила мысль о побеге. Через десять она вернулась с пакетом и протянула Натану ключи.

– Значит так. От квартиры себе оставь. У меня командировки случаются. Придется тебе за бабусей присмотреть. – Ада попыталась возразить, но Натан не позволил. – Это первый и обязательный пункт договора.

Неожиданно-гранитный тон ее слегка удивил. Но она решила выслушать все условия работодателя, молча и стоя.

– Готовить есть кому. С тебя только продукты по списку. Командировки не часто, но случаются. Бабуся вся моя семья. Понятно?

Ада поняла.

– Обязанности, – он вытащил из пакета папку, достал бумаги и стал быстро перебирать. – Вот.

Ада пробежала глазами текст, и с сердцем сделался такой аллюр-карьер, будто хватили её нагайкой промеж лопаток. Листочек дрожал в руке, листочек выдавал её «био»: от группы крови и даты последнего аборта, до размера ноги и количества запломбированных зубов. Где, когда, с кем, по какому поводу. Ей стало жутко. Словно вынули из неё секретный чип, о котором она не догадывалась, и считали информацию. «Так вот почему мне доверены ключи!» Номер паспорта, свидетельства о браке, страховки и даже номер бюста! Им было известно все!

– Чего делать-то? – осипнув от ужаса, выдавила Артемида, не сомневаясь, что вписалась в серьезный проект, а бабуся только прикрытие.

– Ничего, – Натан впервые улыбнулся. – Вот тебе подъемные. – Он извлек из папки пачку банкнот перетянутых тонкой резинкой и бросил на столик. – Здесь пятнадцать тысяч. Родными, конечно, на кино хватит. Как понадобишься дам знать. И вот ещё... – Натан подошел к инкрустированному черным деревом, яшмой и позолоченной бронзой бюро, поочередно открыл малюсенькие ящички, – что-то искал. Небольшой прямоугольник в радостной бумаге и с бантиком на боку был извлечен из последнего и водружен на стол, который Артемида за роскошность и вычурность уже успела окрестить «помпадуром».

– Это мой тебе алаверды. Подарок. Владей!

– Нее... – проблеяла Артемида, все еще крепко сжимая в руках собственное досье.

– А за бритву спасибо, – Ада действительно купила ее в подарок, но Натан так и не вскрыл упаковку. Как узнал... – Только я опасную пользую, мне привычней...

При этих словах завербованная гостя сделалась такой бледной, вроде ей уже пустили кровь, той самой опасной бритвой. Натан остановился напротив оцепеневший от страха Артемиды и оглядел ее заботливо, точно доктор платной клиники.

– Если тебе тяжело стоять, присядь. В ногах правды нет, – работодатель наложил ей на плечи свинцовые ладони и слегка придавил. Артемиды плюхнулась на стул. Натан выдернул досье из ее онемевших пальцев и вложил обратно в папочку. Папочку спрятал в бюро. И продолжил с печальным вздохом:

– Правды вообще нет. Нигде. Но тема эта закрыта, потому как бесперспективная. Что загрустила? Завтра я уезжаю. На недельку. Послезавтра приходи с продуктами. Список и деньги на провиант у Маруси Аполлоновны возьмешь. Гомеопат и клизмы оплачены. Тебе только присутствовать.

– Это обязательно? – патронаж над бабусей не входил в её беззаботные планы. Ада не представляла себя в качестве подставки для кружки Эсмарха. Но пятнадцать штук плюс таинственная штучка с бантиком... Артемиды скосила глаз на презент. – Я согласна, – и штучки переместились в её сумочку.

Они еще выпили по чашечке отвратительного зеленого чая. Из породы пакетированных. Чай пах махоркой, и вкус у него был таким же странным, точно собирали его не на высокогорных плантациях, а в ближайшем пригороде с полу, во время уборки цеха по расфасовки чайного листа.

Артемиды пила его лишь из уважения к драгоценному порцелану.

Когда Натан торжественно внес на подносе прямоугольного уroda заправленного кипятком и парой пакетиков, рекламные бирки которых являлись единственным украшением больнично-белых фарфоровых боков, она не зашла от восторга. Да и пара чашек рубленного дизайна не вызвали в ней священного трепета. Но Натан настаивал на антикварной ценности, утверждая, что это «супрематизм». Ада не спорила. Высшую этимологию она поняла по-своему, когда тихо матерясь, громко прихлебывала угощение. Чашки напоминали поилки для мелких животных. У них не было ручек, чай был горячим, и Ада не могла держать чашку в руке. Чтобы хлебнуть, она всякий раз склонялась в поклоне перед, стоящей на низком столике, намоленной авангардистской чудью. И обладай Артемиды хоть начатками высокой культуры, «матизм» в её устах был бы более изыскан. Натан же нахваливал и чай, и фарфор, а в промежутках пытался рассмешить гостью кошерными анекдотами.

Пыльная бутылочка, за разговором на ощупь извлеченная уверенной хозяйской рукой из-под канапе, еще хранила в себе стакана полтора коньяку. Часть жидкости перетекла в его чашку, и беседа приобрела доверительный вектор.

– Я пью и ем из музейного фарфора! У меня кусок хозяйственного мыла на кухне и тот в плевательнице от Фаберже киснет.

Ада лишь лениво удивлялась:

– Богатство... Коллекционеры вроде шифруются.

– Я не коллекционер. Наследник! Все это богатство, – Натан обвел рукой стены, увешенные и подпертые сокровищами – бабусины! Ты знаешь, что за ковер на стене? – Ада для приличия обернулась. Чтобы порадовать хозяина даже встала и подошла поближе. – Позапрошлый век!

Она неуверенно потерла между пальцев «лысое» сокровище, а потом осторожно приподняла. Удивительно, но с изнанки тряпица нечем не отличалась от парадной стороны. «Да-аа...» – Ада старательно выражала восхищение. – Да-аа...» На самом деле ничего особо выдающегося она в нем не увидела. Рисуночек так себе маленький, вид поюзанный... «Да-аа...» – еще раз повторила Ада и вернулась к чаю.

– Килим! Чистейшей воды! Ручной работы! Подлинный перс!

– Только он, какой-то... плешивый... – робко усомнилась Артемиды.

– Плешивый Иван Петрович, сосед мой по лестничной площадке. А ковер безворсовый. Темная ты, Артемида, как ночь египетская.

Уже изрядно захмелевший Натан, сделав неловкое движение, задел локтем бутылку. Та мягко шлепнулась на бесценный (в этом Артемида теперь не сомневалась) экземпляр, застилавший пол под ее ногами, оставив на кожаной обивке канапе скромную лужицу. Хозяин, не церемонясь, вывалив язык, ловко слизнул жидкость, а затем и все содержимое из поднятой бутылки в несколько глотков ушло в неопалимую Натанову глотку.

– Virtuозно у тебя получается. Из бутылки Клейна пить не пробовал? – поинтересовалась Ада, пытаясь уязвить шефа, а заодно и поразить эрудицией. Но не тут-то было!

Она давно подметила, что напившись, ее приятель-работодатель совершенно не терял ни разума, ни языка. На этот раз он удивил ее в ответ не только интеллектом, но и рифмой:

– Только Пидо пьет келейно виски из бутылки Клейна.

– Пидо? – с недоверием переспросила Артемида. Экспромт показался ей рискованным.

– Пидо – это математик, а не то, что ты подумала. Я ж говорю, темная, как ночь египетская. Вот, ты какую книжку сейчас читаешь?

– Еще про любимого литературного героя спроси, – оскорбилась Артемида, параллельно читающая, как правило, книги три-четыре, но никогда не дочитывающая до конца хотя бы одну.

– И спрошу. Я ж тебя в приличные места вывожу.

– Колобок.

– Почему?

– Идеальный герой. Придаться не к чему! Я взгляну, что в коробочке? – попыталась она мягко съехать с литературной темы.

– Чёрт там в коробочке.

Сорвала обертку, Ада достала презент. Открыла серебряный, расцвеченный перламутровой эмалью футлярчик и... разочаровалась, обнаружив в нем молочно-зеленый мундштук. Вещица, конечно, изысканная, но ненужная.

– Спасибо. Но нафига?

– Что значит «нафига». Курить будешь. Это ж Фаберже! – Натан выхватил из ее рук футляр и отошел. Вернулся с лупой. – Орла видишь? Клеймо Карла Фаберже. Скорее всего подлинное. Поставлено только полоховато, по-холодному. Полно подделок с подлинными клеймами. Лет сто тридцать как поддельвают и клеймят. Взгляни-ка! – Страшно увеличенный лупой натанов глаз, не мигая, смотрел на Артемиду.

Недовольная подарком, еще и поддельным, она закинула на плечо сумку и поднялась, собираясь уйти.

– Возьми-возьми. Не ломайся. Хоть и подделка, но изящная. Курить – не курить, хоть во рту держать, а образ создает! Или ты думаешь, кого голыми пятками соблазнишь?

Возмущенная Артемида выхватила из рук Натана бестолковый подарок с твердым намерением сдать его в ближайшую скупку и вышла не прощаясь. Дверь хлопнула, шаги растаяли.

Натан сидел с неподвижным лицом, казалось, он спит с открытыми глазами, но это только казалось! В мозгу его, точно мальки на мелководье шныряли мысли. Молча и терпеливо, ожидал он серьезной рыбы, и как только та приплыла, Натан ухватил ее под самые жабры – фиг сорвешься!

Медленно поднявшись, он направился к бюро, раскрыл ноутбук, вышел в сеть и отстучал неизвестному:

«МАТРЁШКА ГОТОВА».

Глава восьмая

Через день, как и было велено, Артемида барахталась в густой темноте прихожей, тщетно пытаясь отыскать выключатель. Не найдя, так и поплыла вдоль стенки, шурша пересохшими обоями, сметая древние паутины, считая локтями и коленями неприветливые углы.

Из-под бабусиной двери сочился рассеянный, зеленоватый свет. Ада вошла без стука.

Приподняв мешки пергаментных грудей, Розалия сидела на постели. О чём думала – неизвестно, но сердце ее стучало разборчиво и уверенно.

Внимательный доктор в голубом халате, что-то выслушивал в дряхлеющем организме, попутно блуждая взглядом по передвижникам, плотно засидевшим стены бабусиной опочивальни.

Но если бы он поднял голову выше к потолку, то ужаснулся бы, как Артемида, взглянув в пустые глаза чудовищ. Их железные челюсти, сжимали золоченые цепи, крылья были угрожающе раскинута. Подвешенные на цепях, изумрудно сахарные головы светильников, покрывали комнату таинственно–зловещим светом. Без сомнений, рихтовали югендштиль-монстров на заре прошлого века, в одной из буржуйских столиц Европы для какого-нибудь миллионщика-фабриканта. Уж слишком хищны и эксклюзивны были они на вид.

– Неплохо, неплохо... слышал я и похуже, – отрываясь от Розино тела, заключил эскулап и заставил бабушку открыть рот. – Неплохо... Ложитесь.

Он нажал на живот. Живот откликнулся.

– Стул давно был? – обратился он к Аде. Вопрос поставил её в тупик. – Так, понятно.

Врач присел к столу и стал быстро исписывать амбулаторный листок, изредка озирая стены.

– Какого года?

Ада снова не нашлась, что ответить, попеременно глядя то на «айболита», то на настенные шедевры.

– Бабушка ваша? – доктор пошел на вторую страницу мелким убористым почерком. – Ваша бабушка? – он размахнулся и, поставив загогулину подписи, развернулся к Аде.

– Нет. Я знакомая.

– Неплохо...

Доктор возвратился к Розалии, все в той же позе прибывающей на своем ложе, нацепил манжету на предплечную кость, вставил себе в уши макароны фонендоскопа и стал энергично тискать резиновую грушу тонометра.

– Готовьте кружку! – приказал эскулап. Но Ада даже не представляла, что за кружка и где её искать. Раз кружка, должна быть на кухне.

В кухне у раковины Маруся возилась с посудой. Брызги, разлетаясь по сторонам, влажным ковром оседали на пол.

– Маруся Аполлоновна, Розалии Эммануиловне нужна кружка.

Маруся безучастная к её просьбе, благоговей, надраивала алюминиевый бок сотейника, словно с сегодняшнего дня убогий ширпотреб предприятия «Металл-Посуда» объявили царским столовым серебром и назначили на должность ведра для шампанского к столу олигарха средней руки.

– Маруся Аполоннааа... – повторила Артемида, пальцами ощущая прохладную влагу, щедро напитавшую войлочные подошвы. Трюк с оглохшей бабушкой удавался приживалке отлично. Таким образом, она демонстрировала свое скверное расположение духа и нежелание общаться. Но Ада была настойчива.

Маруся, молча, протянула ей бокал с розой.

– Эсмарха... – донеслось из комнаты.

Маруся не удивилась и не переспросила, а вяло махнула рукой в сторону кладовки – темного пещерного образования на кухонной площади.

Кладовка не имела дверей и напоминала глубокий грот. В нем доживало не первый век множество непонятого, ветхозаветного хлама проросшего из пола сталагмитами сундуков, чемоданов, шляпных коробок... Кое-где эти реликтовые столбы смыкались со сталактитами поношенных платьев, жакетов и расшитых драконами шлафроков, болтающихся под потолком на перекладине.

Ада растерялась.

Она открыла наугад круглую коробку и чуть не лишилась чувств. Шерстяной капор, отороченный горностаем, был изрыт насекомыми, и когда её палец коснулся меха, вся шляпная конструкция, подняв небольшое облачко, осела пылью на дно, где и упокоилась. Ада захлопнула картонный гробик и, раздвинув одежду, взглядом пошарила по верхам: журналы, граммофонные пластинки, коробки, коробки, коробочки – клизма не просматривалась.

Ну, где-то она была! Ногу на сундук, рукой за торчавший из стены крюк и подтянулась. Видавший жизнь крюк, под тихий шелест водопада старой штукатурки, без сожаления вырвался из стены.

Теряя равновесие, Артемида зацепила рукой какую-то тесемку и, обрушив на пол вековой хлам, благополучно выскочила из кладовой.

Маруся Аполлоновна даже не обернулась.

За пыльной завесой маячил саквояж. Он одиноко стоял на полке и выглядел вполне докторским. Наверняка с таким экземпляром в позапрошлом веке совершал визиты к своим чахоточным музам Антон Павлович. Ада была уверена – клистир там!

– Знакомая, где же вы пропали? – зажав губами сигаретку, доктор наклонился к газовой плите, сдвинул в сторону кастрюльку с пыхтящей кашей и прикурил. – Я вас жду. Возьмите вот. – Он протянул Аде резиновую грелку со шлангом. – Водички, лучше бы кипяченой. Но можно и из-под крана, тепленькую.

Ада попросила Марусю отойти и сделала все, как прописал доктор. Он сунул палец под струю, одобрительно кивнул и, положив на край стола визитку, уверенно продолжил:

– Вот вам моя карточка, звоните в любое время. У меня отличные специалисты. Никаких геморроев. Оплата валютой... любой. Или по курсу. Договоримся.

Кружка раздулась от воды. Аналогия с экономикой никогда не пришла бы Артемиде в голову, если бы не услужливый доктор. Глобальный запор, устраняемый посредством валютных вливаний имитирующих нормальный процесс пищеварения, представлялся панацеей скорее врачу, чем пациенту. Но долго ли протянет бабушка...

У самой Ады пищеварение было отличное. Ничего лишнего и неприглядного в ней не задерживалось. Цвет лица был изумительным, кожные покровы чистыми, язык розовым, дыхание свежим, глаза ясными, взгляд обворожительным. Зачем ей визитка клистирных дел мастера, да еще и валютного, она не понимала.

– Врубеля я бы взял... – продолжал настаивать эскулап, распахивая перед ней дверь и пропуская вперед.

«Душный какой, – осудила доктора Ада, осторожно заноса сосуд в комнату. – Уже и в рубелях согласен, лишь бы заработать дали. Никакого достоинства».

– Вот этого, – он указал пальцем, на средних размеров картину исполненную маслом: под пыльной вуалью несколько кораблей в бухте южного города. Натюрморт с двумя марципановыми булочками и стаканом в серебряном подстаканнике, висевший рядом, выглядел аппетитней. Ада только осуждающе хмыкнула.

– Может быть, начнем? – предложила она, обнажая наконечник и нарочито игнорируя докторский интерес.

Процесс прошел более-менее успешно, но для себя она решила, что валютные вливания иногда бывают оправданы. После клозета бабуся порозовела и попросила кушать.

В молчаливом негодовании Ада проводила навязчивого эскулапа и вернулась на кухню. Ей предстояла грязная работа в кладовой.

Заткнув за пояс край юбки, она принялась разгребать пластинки и штабелировать журналы «Нива» за четырнадцатый год. Настроения не было. Более того, какое-то беспокойство поселилось в груди, будто прохватило её сквозняком обреченности. Она долгим взглядом оценила саквояж и, изловчившись, сняла с полки.

Внутри были миллионы! Рассованные по полотняным мешочкам, они наполняли собой металлическую кружку с дырою в днище – подлинное творение Фридрих Август фон Эсмарха! Ада сразу узнала самоуверенные камни. На содержимое одного из мешочков, небрежно выпанное ею на журнальный разворот, не торгуясь можно было прикупить скромную виллу на теплом взморье. «Всего одна браслетка! Ведь ты так любишь море. Никто и не заметит... Никто и не подумает...» – подстрекали совесть бесы алчности, но совесть была нерешительна и пуглива.

«Чур, меня, чур...» – разогнала брильянтовый морок Артемида и вернула на прежнее место всё до последней страницы. Вроде, как и не было ничего. Будто и померещилось.

Глава девятая

Бабуся оказалась привередливой. К утреннему «кофэ» она требовала свежий глазированный сырок. Маркировка вчерашним числом вызывал в ней волнение желчи, оттого Артемиде всю неделю приходилось вставать неприлично рано и обегать дозором ближайшие продуктовые центры в поисках единственного девственно – свежего молочного продукта.

Раньше полудня Розалия не просыпалась. А последние двадцать лет утро встречала бодрим: «Что б я сдохла – не дождетесь!» Непродолжительный аутотренинг наэлектризовывал пространство вокруг, да так, что редкий пушок на голове бабки вставал дыбом, словно макушку её отполировали эбонитовой палочкой. Она цеплялась за жизнь, будто знала – на том свете её ждет котёл и пламя. Подзарядившись, Розалия была током, иногда искрила. В её комнате, по рассказам приживалки, сами по себе загорались лампочки, двигались вещи. И вообще, творилась всякая чертовщина... Хвала небесам, Ада не соприкасалась со старухой, и даже не виделась, кроме того единственного раза, когда ей пришлось ассистировать при клизме. Да и то у порога она предусмотрительно подстраховалась крестным знаменем.

Примирившись с войлочными тапками бабушки Розы, нагруженная продуктами из ближайшего гастронома, Ада бесшумно скользила на кухню вслед за впустившей её домработницей.

Маруся Аполлоновна, возможно, не имела плоти. Лишь скорбный дух скрывался под её сатиновым халатом. Дух был силен крепкой и долгой ненавистью к большевикам. Казалось, она не упокоится с миром, пока на Родине останется живым хоть один ленинец.

Кто бы мог подумать, глядя на дымный призрак, что он был когда-то любимой ученицей императорской балетной школы, что эту женщину обожали и носили на руках блистательные и талантливейшие мужчины минувшего века.

Ада наблюдала за Марусей Аполлоновной, как та брезгливо зачерпывает из кастрюли потрескавшейся эмалированной кружечкой ею же сваренный суп. Как ест его из той же кружечки кукольной ложкой, священнодействуя. Сколько ей лет? Около ста, наверное.

Маруся не была разговорчива. Она негласно презирала людей, приютивших её, тайно вернувшуюся из долгой ссылки, к сыну и мужу. Сын отрекся. Муж предал. Одна. Так и осталась жить у Розы в приживалках-прислугах в темной комнате, выгороженной из кухни. Без документов. Вроде есть человек, а присмотришься – и нет.

В Аде она нашла благодарного слушателя. Иногда на Марусю Аполлоновну находило просветление, и экс-прима выдавала апокрифы понаваристей мемуарных бестселлеров. Но чаще прислуга, молча, выполняла кухонную работу. Движения её были скупы. Лагерная

закалка удивительным образом продлила жизнь, но лишила её смысла. Вот и сегодня Маруся Аполлоновна беззвучно перемещалась по кухне в точно таких же, как у Ады тишайших тапках.

Сегодня Маруся стряпала на пару куриные кнели, и кухня напоминала турецкую баню. К готовке она никого не допускала, отвечая на все предложения помощи: «барыня не велят». И столько было в этой фразе пренебрежения, что становилось ясно – Маруся готовила для себя. А остальные пусть думают, как хотят.

Покачиваясь на скрипучем стуле у запотевшего окна, Ада размышляла о саквояже. Знает ли приживалка о сокровищах. Половину жизни быть рядом и не знать? Или знать, но...

– Нанчик когда приезжает? – равнодушно спросила Маруся, твердой рукой строгая морковку.

– Сегодня. Ночью.

– Тогда я приготовлю его любимый цимус. И пусть тот цимус станет ему поперек глотки, – зловеще напутствовала еще несотворенное блюдо стряпуха.

– Зачем вы так... Натан милый. Он мне на свой день рождения подарок сделал.

– На день рождения... на день рождения... – День рождения у него летом.

– А на прошлой неделе, что было?

– У нас Светлая седмица. А у него День мелиоратора... главный праздник. Какой год празднует... не просыхая. Глаза б мои... – она уронила луковую слезу в бульон и, неторопливо дребезжа изношенными связками, продолжила. – Такой хороший был мальчонка... ласковый. Да, бабка его сгубила. Как родители утонули, так и...

Испещренное морщинами лицо Маруси Аполлоновны своей живостью напоминало посмертную маску. Когда-то прекрасные, как лепестки незабудок глаза, превратившиеся теперь в два мутных стеклышка, увлажнились. Она вытащила из рукава батистовый платочек с монограммой и промокнула соленую росу.

Нежданно нарисовавшийся сюжет с утопшими родственникам, отвлек Аду от вяло текущих мыслей о бриллиантах. Она перестала раскачивать стул и, подперев кулачками подбородок, с печалью посмотрела на Марусю:

– А что случилось?

Маруся прошмыгнула на табурет, втиснутый меж столов, запустила два иссохших пальца в кружечку и вытянула черносливиную. Одинокий её клык впиалась в разбухшую плоть. Она пошамкала окостеневшими деснами сухофрукт, погоняла от щеки к щеке, сладко почмокала и сглотнула.

– А то... переходили реку... в неподобающем месте.

Ещё раз удивившуюся Аду стало разбирать нешуточное любопытство.

– Реку? В неподобающем месте?

– Весной дело было. Помню, Гагарина на орбиту запустили... – Маруся часто останавливалась, с присвистом набирала воздуху в истрепанные легкие и неспешно продолжала. – Он пока летал, Вовка, зять Розы, решил в гастроном сбегать, чтоб отметить. По-царски. Он любил по-царски. Сам-то из плебеев. Мать из-под Бердичева. Изумительной красоты была жидовочка... Её отец Вовкин с голодомору вывез. Комиссарил он там в заградотряде... Сам из здешних. Гегемон пролетарский. С гонором. Прости, Господи... – Маруся перекрестила воспоминания. – Пьяница в еврейской семье такая редкость, такая редкость... Вот раньше зимы так зимы. В зоосад меня девчонкой по реке возили. На трамвайчике с маман...

Неожиданно в кронах натанова генеалогического древа нарисовалась трухлявая ветка покойного папаши. Хранительница семейных тайн достала вторую черносливиную и, заложив за щеку, продолжила:

– А Маара за ним. Не пушу одного, говорит. Он когда упивался, дебоширил. Все ему жиды мерещились. Христопродавцы, орал хитрожидые... Сам-то нехристь, наполовину еврей, но орал... Видно пер из него папаша посконный. Хам и мазурик. И били Вовку... ох, сильно

били... Помню, раз башку ему проломили, за фиоритуры матерные. Жиды и проломили... Точно. Только Розалия с Нанчиком и Маарой за порог, а он дружков с помойки в дом. Журфиксы по ночам устраивать... – Маруся облокотилась о стол, обхватила рукой лоб и прикрыла глаза, словно пытаясь оживить воспоминания в цвете, вкусе и запахе. Изъеденные морщинами губы, точно баянные меха растянулись в недолгой улыбке. – Раз Розалия раньше с дачи вернулась. А у него бонбоньерка в рюшах. Водку хлещут. Дружок там еще его был. Не помню, как звали... Одна на двоих... Так Розалия ему такой карамболь учинила!

Внезапное крещендо недолго колебало воздух. Колоратура поникла и повествование потекло все в том же русле равнодушных воспоминаний.

– Розалия Вовку не жаловала. Она только цыкнет, он сразу в плие со страху. Вошью его звала... и все свинтить грозила. Свинчу, говорила, башку, как гайку. Боялся её... Маара то, еще до свадьбы натанцевала Нанчика... набугивутила. Она у Розы поздняя... и неизвестно кто папаша. Роза её перед войной родила. До войны в буфете работала... исполкомовском. Вроде с самим замом путалась. Профурсетка ещё та была. А потом к интендантскому начальнику в штаны залезла... Так, что в голодухи повидлу сумками таскала...

То, что от сокровищ несло мертвечиной, Ада почувствовала еще в кладовке, глядя на рыжий саквояж из буйволиной кожи. А теперь она почти не сомневалась в истинном происхождении богатств натановой бабки.

– ... последний с которым валандалась, еще тот оказался разложенец-ленинец. Друг детей. – Куриные лапки Марусиных конечностей усыпанные старческой гречкой мелко перебирали передник. – Над Маарой тряслась, тряслась... пылинки сдувала, никуда не пускала. А ублюдок от сожителя оказался. Ох, Роза её к стенкам башкой прикладывала, ох прикладывала... Орала, что сама ублюдка выскребет. Мааре тогда шестнадцать только исполнилось. Потом смирилась. Сожителя – вон! Нашла вот Вовку, на свою голову. Сосватали. Лишь бы срам прикрыть. Он за Маару автомобиль получил «Волгу-ГАЗ». Правда, этот дурак так и не научился ездить. Он у него в гараже во дворе стоял. Он и сейчас там стоит, поди. Если Нанчик не пристроил.

Маруся так увлеклась, что забыла про кнели. Запахло горелым. Ада сняла с огня подкоченную кастрюльку.

– Теперь дымком попахивать будут. Роза заочевряться может... и ладно...

– Так Натан, значит, и сын и внук Розе получается?

Приживалка задумалась.

– Не совсем, но получается...

– А утонули как?

– Да так. Она за ним, он за водкой. Нанчик следом увязался. Думали, что в гастроном на набережной. А он не работал. А, может, водка кончилась. Вовка напрямик решил. На тот берег. По реке. Чтоб побыстрее. Обычное дело. Там за зиму дорога натоптана. Да, только коммунисты праздничный сброс в реку сделали. С краснознаменного завода своего. Видно подмыло, какой химией лед. Дальше не знаю. Оба в полынью ушли или как там... Нанчика соседка домой принесла. Он долго молчал. Бабка его на все лето в Анапу пристроила. Вроде забылся там... Вот у него теперь в один день и поминки и рождение. Открой-ка форточку. Парит.

Ада потянулась к форточке. Её так и распирало спросить у старой кобры о происхождении ценностей, что захламили квартиру, когда-то благоухавшей чувственностью Розы. Но Маруся её опередила.

– Откуда все думаешь... – Ада на всякий случай пожала плечами. – Все любовники натаскали. Упыри, прости Господи, идейные. Она у них окормлялась... духовно. – Беккер для австрийского императора делан... клавиши слоновой кости... последний раз пол века назад Нанчик перебирал... ножками... Весь инструмент проссал... с тех пор и не открывали.

«А бриллианты, бриллианты?!» Бабка точно считала немой вопрос с губ раскрасневшейся Артемиды.

– ... заначки бриллиантовые до сих пор по антресолям распиханы. Ненавижу. Гниль комиссарская...

Все. Точно знает. Ада даже успокоилась. В конце концов, эти дары, принесенные на алтарь алчности и страсти, в голодный год могли хоть кому-то спасти жизнь. В другое время они совершенно бесполезны и сомнительно ценны лишь тем, что украшали чье-то пленительное декольте, ручки и ушки, вызывая восхищение и вождление.

Хотя... Вилла на берегу теплого моря... пусть не вилла... уютный домик под сенью тюльпанного дерева... А почему не вилла... «Так, – одернула себя Артемида, – пора сваливать, пока эти гнусные камни не довели меня до лоботомии».

Но прежде чем уйти она подкралась к дверям комнаты бабушки Розы и приложила ухо. Ничего. Тишина. Ей безумно хотелось заглянуть за дверь, но было страшно. Всё равно, что заглянуть в свою старость. Отгоняя мрачные мысли, Ада перекрестилась и поскорей побежала в реальность, где ждал её шумный город. В реальность, которая еще звучала.

Глава десятая

К женщинам он относился с пониманием. Только так к ним могут относиться истинные философы, используя по назначению и с удовольствием. К судьбе – снисходительно: никого не винил, ни с кого не требовал. Правда, пара дрожащих фобий, иногда вырывались на свободу, яростно компрометируя хозяина. Та, что повитальней – «гомо» не претендовала на уникальность, зато вторая была эксклюзивна – гольфофобия. Вид их всякий раз доводил несчастного до эректильной дисфункции и сопровождался истеричным требованием: «снять немедленно!» Борьба со своими фобиями не хватало мотивации. Легче было сменить партнершу и исключить гей-каналы из списка ТВ просмотров.

Звали его Вилен Вилорович Зверолодов. Ничего так имя для вполне преуспевающего мужчины средних лет, европейской наружности и либеральных взглядов.

Родители Вилен Вилоровича были идейными коммунистами, знатными производственниками на одном из химических гигантов, выпускавшим ДДТ для травли колорадского жука, оттого и назвали мальчика именем не православным, а искусственным и ядовитым. Мальчик рос, рос и вырос до решения жить отдельно от папы с мамой. Мальчик решил уехать на запад, так он оказался на его севере в Славгороде, где понятие «разводка» имеет оттенок не криминальный, а романтический. Там, несмотря на происхождение и замысловатое имя с коммунистическим прищуром, он поступил и вовремя закончил психологический факультет, попав по распределению в колонию строгого режима в качестве штатного психолога.

Работа в колонии была хуже каторги, но лучше тюрьмы. Вилен Вилорович не мог смириться со статусом духовника душегубов, оттого и задержался в должности ровно семь месяцев и три дня, предпочтя внутреннему распорядку фрейдовскую свободу.

Вилен Вилорович сменил камеру на кабинет, приличный костюм и почти неприличную профессию практикующего психолога-сексолога.

Наличие у него харизмы притягивало женские тела и души. Оттого топчан в кабинете Вилен Вилоровича был глубоко продавлен психоанализом, а прием расписан на полгода вперед.

«Ложитесь. Расслабьтесь. Я помогу вам отыскать путь. Ваш путь. Шаг за шагом мы будем продвигаться к намеченной цели. Я научу вас любить себя. Мы выстроим матрицу абсолютного счастья».

Пациентки платили неплохие деньги за возможность пооткровенничать об интимных провалах не с подружками, а с привлекательным самцом, выдающим себя за доктора. Вилен Вилорович, несомненно, был мастером своего дела. Дамы уходили просветленные, некото-

рые оплодотворенные. Но без претензий к Вилен Вилоровичу, поскольку оплодотворял он их исключительно посредством слова и мысли, внушаемой на безобидном расстоянии.

Утешая и наставляя, он все чаще задумывался о смысле личного бытия. И поскольку был Зверолюдов атеистом по крови, то свято верил, – после него ничего не останется. А оставить хотелось. Богатый жизненный опыт, необузданное воображение и патологическое тщеславие, определили выбор – он писатель!

Зверолюдов забросил психоанализ. Фригидные стервы и трогательные нимфоманки, не дождавшись своей очереди за оргазмами, возмутились, но... Одни нашли другого доктора, другие осели тиной на лямурных сайтах и приват-чатах, пополнив сообщество эксгибиционистов-надомников.

Зверолюдов писал, писал, как раб на галерах. Господин ТАЛАНТ так подгонял его хлыстом вдохновения, что из-под писательского весла в год выходило по два увесистых романа, не считая рассказух, эссешек, стихотекстов и прочих спичей. Вот только издатели – собаки так и норовили содрать с его задницы последние штаны, отшлепать конструктивно и больно, вместо того чтобы дать заработать на новые. Как философ он понимал, что на всех штанов не хватит. Но смириться с тем, что вожаделенные «штаны успеха» снова пронесли мимо его носа к чей-то позолоченной заднице, он не мог и постепенно подсел на самого себя.

Отныне все человечество, включая женщин и детей, делилось на «читавших» и «не читавших». Последним, если это не было принципиальной позицией по отношению к автору, благосклонно презентовалась из привезенного домой тиража, книга с автографом. Зверолюдов был уверен: автор состоялся, если хотя бы один читатель желает получить от него росчерк на форзаце.

День сиял. Пел Благовест. Сотни две тифози кучковались в загаженном сквере перед собором. Мужики пили дешевое пиво из пластиковых стаканов и бутылок, орали речевки, размахивали флагами и дудели в дудки. Первый раз в жизни Ада видела длиннющую очередь в мужской сортир! Она смотрела и думала, что же должно случиться, чтобы все они повалили в храм, а не на стадион.

Каких только испытаний не выпадало на долю нашей многострадальной родины. И вот ещё одно – пробки! Они стояли уже минут пятнадцать. Фиолетовая толпа болельщиков-кричалщиков омывала со всех сторон приунывший транспорт и утекала через просветы улиц в чашу стадиона. Ада заметила, что фиолетовый цвет (ей больше нравился его гламурный синоним – цвет фуксии), все больше притягивал её в последнее время. Всякие бытовые мелочи: от разделочной доски до зубной щетки выбирались ею именно этого напряженного цвета. Где-то она прочла, что психологи объясняют тягу к конкретному цвету душевным состоянием. С недавних пор оно стало фиолетовым. А плохо это или хорошо Ада не понимала. Одним в таком пристрастии виделись признаки шизофрении, другим склонность к мистике и чистоте помыслов. Последнее ей казалось более привлекательным.

Работа с Натаном не слишком ее напрягала. В тандеме с очередным заезжим купцом сегодня она весь день колесили по городу, показывая красоты с воды и суши, а вечером отбивала ладоши на концерте. Сделка близилась к финалу, и оттого у купца было игривое настроение. Он считал, что удачно купил. Натан, – что удачно продал. И оба счастливо заблуждались.

Около девяти вечера целомудренные развлечения окончились. Нехитрый райдер недоолигарха состоял из трех пунктов: «есть», «пить» и «разврат». Поскольку в оргиях Ада не участвовала, то на сегодня была свободна. Её ждал с отчетом Натан, а провинциальному гостю предстояла ночная сессия со связыванием и поркой.

«Бюро фрау Лол» – дочернее предприятие Натана, находилось на двенадцатом этаже фешенебельного бизнес центра «Президент» и функционировало бесперебойно. Возле двери на стене была привернута медная табличка «Бюро фрау Лол». Как и во всех остальных офисах, его работа начиналась в девять утра и кипела до последнего клиента. Хозяйка, она же

Госпожа, она же Domina Лолита Полторыдядько произрастала из местечка Жабокрич, что в Крыжопольском плодородном районе Украины. Еще в прошлом веке её немногочисленная родня, наслушавшись «голосов», потянулась за еврейским счастьем, прихватив с собой всего понемножку. Дедушка – заслуженный работник культуры, – немножко Левитана, мама – зубной техник – немножко золотого лома, а Лола – любимого плюшевого Михалыча, с черной бусиной единственного глаза. На таможене Михалычу вспороли живот, и человек в форме вывалил на стол игрушечные мишкины кишки. Комок серой ваты и печальный глаз Михалыча последнее, что, теряя сознание, запомнила Лола. Но перед тем как отключиться она накрепко впиалась зубами в волосатую руку таможенника чуть пониже накрахмаленного манжета. Очнувшись она на деревянной скамейке. Мама сидела рядом и гладила её по голове. «Пей, девочка...» – дед протягивал колпачок от термоса доверху наполненный сладким-пресладким чаем. Она до сих пор не забыла его приторный вкус и свой последний день на Родине. Было ей тогда пять лет, а зим на одну меньше...

В суматохе и Левитан и зубной лом, незамеченными проскочили границу. Левитан ушел с аукциона за хорошие деньги и обеспечил приличное существование репатриантам.

Прошли годы и, подросшая девочка Лола, таки сбежала из земли обетованной в Европу. Не одна, с «наставником». Европа их не ждала и когда у «наставника» кончились деньги, он сдал ученицу в рабство в один из берлинских садо-мазо борделей. Фрау Лол успешно делала карьеру в Теме и уже дослужилась до плетки и лаковых сапог, как случилось ужасное. Ужасное, даже по меркам содомского театра.

Во время очередного представления сквозь прорези полумаски она узнала ошейник. Его ошейник!

Это была любовь. Любовь с первого взгляда. Лола взяла его из приюта. Boss был славным псом, но совершенно не выносил одиночества. Так бывает не только у людей. Одинокими ночами он выл по хозяйке. Возмущенные соседи не раз пытались урезонить животное. Выкрикивать бесполезные приказы на собачьем языке стало доброй традицией обитателей подъезда, проходящих мимо квартиры на первом этаже. Но ни «Фу!» ни «Сука, заткнись!» ни пинки в запертую дверь, не могли надолго отвлечь Bossa от страданий.

Лола приглашала собачьего психолога, по его совету они вместе посещали тренинги и пили успокоительное. Бесполезно! Каждый вечер перед уходом Лола взывала к собачьей совести, клялась в любви и умоляла держать эмоции под контролем. Раз она все же сорвалась и ударила пса. А после, уткнувшись носом в мягкую шерсть, просила прощение и плакала, плакала, о песьей своей жизни... Умные глаза все понимали. Пес слизывал слезы с ее щек и, пропустив, всё так же выл, лишь только за Лолой защелкивалась входная дверь.

Как-то нежным утром в начале лета, вернувшись домой, она его не нашла. Его не было. Нигде. Она, молча, обошла квартиру. Заглянула под диван, куда тапок-то с трудом прошмыгнет, и поняла: жизнь кончалась.

Собачьи приюты, объявления, расспросы – все тщетно. Теперь она уходила и приходила при полной тишине. Соседи были довольны, но больше всех хаус-мастер.

По утрам, теряя окончание и широко улыбаясь, он все так же выплевывал ей навстречу резкое «мони» и, не дожидаясь ответа, отгораживался глухой спиной. Она подозревала свиноподобного управдома в гнусном преступлении против добряги боксера. Но кто ей поверит. Бесправной эмигрантке сомнительного происхождения и рода занятий. Оставалось терпеть и ненавидеть.

Опустив голову и волоча поросший рыжей шерстью живот по зеркальному кафелю, «нижний» с грациозностью тюленя, подполз к ногам фрау Лол и подобострастно лизнул кончик лакового ботинка. Раб уважал орднунг! Поднять глаза на Хозяйку по собственной воле – нарушить субординацию. Массивный ошейник в два ряда металлических сегментов соединенных между собой стяжками в виде букв «В» «О» «S» «S» сдавливал шею извращенца, изрядно дис-

сонируя с рабским пиететом. Рыжие редкие усы топорщились, ламбрекены век стыдливо прикрывали взор. Фрау Лол подошла с тыла и, разогревая клиента, слегка ощупала стеклом битую веснушками спину. Удар... еще... и еще... Она охаживала хауз-мастера по вытертому заду и сальным бокам с наслаждением и аппетитом истинного садиста. Как в прописях у отличницы кровавые борозды аккуратно ложились на конопатую шкуру домоуправа. Довольный Раб лишь вождельно вздрагивал упитанной спиной. Он оплатил унижения, но не порку. Смекнув свою выгоду и расслабившись, мазохист отдался халявному наслаждению...

Но тут случился экшен!

Избивая ненавистную тушу уже не хлыстом, а тростью, первый раз за всю практику она ощутила опьянение, восторг и наслаждение. Игры кончались! Размеренное, глубокое дыхание Раба сменилось на прерывистое. Сливаясь с воплями «нижнего», ротанг не свистел – выл!

Её насилу оттащили.

Оставляя кровавый след, хауз-мастер пополз к выходу и, прижавшись щекой к металлической двери, стал тонко визжать и царапать её ногтями.

С переломом копчика его увезли в больницу. Через неделю её списали за профнепригодность.

И тогда Лола решила вернуться.

Обновленная родина напоминала пустой вареник в бурлящем котле, возле которого толкуются повара, яростно споря, что ж заложить внутрь, в то время как вареник уже начал расплзаться. Не сомневаясь ни хвлыны, Лола отметила транзит и рванула на север, поближе к привычной стабильности.

Тридцать семь лет возраст спелости тела. Её роскошные конфигурации, затянутые в латексное белье еще будоражили, оставаясь востребованными в рамках избранной профессии. Так зачем подтирать за богатыми говнюками в их родовых коттеджах, прикинула Лола, если в другом месте те же говнюки охотно доплачивали за удовольствие быть тряпкой у её ног. И тогда щедро закатав силикона в обе губы, она вернулась все к той же теме.

Для рабского наслаждения с утра к Фрау Лол уже доставили десять метров капронового шнура местной крутильно-сетевязальной фабрики имени Максима Горького. Садо-мазо инвентарем Госпожу снабжал Натан – офис-менеджер, завхоз и хозяин в одном лице.

– Практически bondage-special снасть! – нахваливал веревки Натан. – Ты пощупай, пощупай... Сердечник поролоновый... легкая, стирается отлично. Капрон сто процентов! Загляде-нь! Не намокает, не травмирует... и вязать и по деньгам – одно удовольствие!

Он деловито пересчитывал метраж локтями, озвучивая себе под нос намотанные полуметры. Лола подхватила свободный конец веревки и покатала между пальцев.

– Синтетика? – вроде разочарованно произнесла она. Натан кивнул. – Синтетикой «под японию» нельзя. – Она говорила совсем без акцента.

– Под Японию... Да хоть под бибигонию! Только смотри мне, Лолка... чтоб ВИПа до смерти не замотали!

– Мы будем делать европейский бандаж? Он в Теме?

– Разбирайтесь сами. Человек желает быть униженным. Так унизь его красиво! Пусть поймет, чем отличается миндаль от жопы! Хы-ы-ы...

В кармане зазвенело. С трубкой у уха Натан вышел в коридор, а возвратившись, решил задержаться. Потирая бугристый затылок, он погрузился в уютное кресло и приказал, копошащейся возле веревок Лоле, сварить кофе. Прихватив веревки, Лола послушно направилась в подсобное помещение. Её круглый загорелый зад, точно солнце проглядывал сквозь молочную органзу юбки.

– Ты чего так и по улице ходишь? Без трусов? – вслед удаляющейся хозяйке равнодушно заметил Натан, дернул узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу и запрокинул голову к потолку, туда, где огромная перламутровая муха прибывала в состоянии экзистенциального

покая. – Жопу прикрой... – чуть повысив голос и не сводя глаз с мухи, добавил он. – Слышь? Ко мне сейчас люди зайдут... Ты тут не сверкай, а то ослеп...

Он не успел договорить, как электронный привратник запищал, сообщая о приходе гостя. Мужчины, обменявшись рукопожатиями, прошли вглубь комнаты.

Тихий уголок. Что еще нужно для дружеской беседы? Разве что взаимопонимание и отсутствие проблем.

– Садись, Вилорыч. Все, что от меня зависит, конечно, сделаю. В план вобьет – обещаю! Если откажет в пыточную не пуцу! – Секунд тридцать Натана разрывало от удачной шутки. Его затылок мелко бился о спинку дивана, а когда смех иссяк, и взор очистился от слез, он посмотрел вверх. Муха была на месте. Тогда он зачем-то представил себя на потолке... и тут же, упорно раздувая сосуды, кровь прилила к голове, а вместе с ней густая, тягучая боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.